

САЯН-МЕРГЕН

ТОФАЛАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР XIX—XX ВВ.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СИБИРИ

САЯН-МЕРГЕН

Антология
тофаларского фольклора
XIX—XX вв.

МИФЫ,
ПРЕДАНИЯ,
СКАЗКИ,
ЛЕГЕНДЫ
ПЕСНИ,
НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ,
ШАМАНСКАЯ ПОЭЗИЯ,
ЭПОС, ЗАГАДКИ, ПРИМЕТЫ,
ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

Художники
I I Левин
II I Пригласов

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
2007

САЯН-МЕРГЕН

Антология
тофаларского фольклора
XIX—XX вв.

Составление,
переводы и переложения,
вступительная статья и комментарии
Анатолия ПРЕЛОВСКОГО

Москва
НОВЫЙ КЛЮЧ
2007

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Рецензенты:

Рецензенты:

С.М. Орус-оол, доктор филологических наук;

В.Я. Бутанаев, доктор исторических наук;

Ч.М. Таксами, доктор исторических наук

С22 Саян-Мерген: антология тофаларского фольклора XIX–XX вв. / [Преловский А.В., пер., стихотвор. перелож., реконструкции эпоса, сост., вступ. ст.]. – М.: НОВЫЙ КЛЮЧ, 2007. – 136 с.: ил. – ISBN 978-5-7082-0171-1.

И. Преловский, Анатолий Васильевич, сост.

Тофалары – небольшой (500–700 человек) тюркоязычный этнос. Живут они в горах и в тайге Восточных Саян на территории Иркутской области и Красноярского края, относятся к коренным малочисленным народам Сибири. Основное занятие тофаларов – охота и рыболовство, в последнее время – пушное звероводство.

Традиционный фольклор тофаларов (до революции – карагасов) начал записываться еще в XIX столетии учеными-путешественниками. В минувшем веке вышло некоторое количество книг сказок в литературной обработке сибирских писателей, а также небольшие по объёму научные публикации полевых фольклорных сборов отдельных ученых – этнографов и фольклористов.

Наше издание – первая попытка дать читателю антологическое собрание тофаларского народного творчества в художественных переводах на русский язык.

Книга адресована, прежде всего, юному читателю, только-только открывающему для себя фольклорные кладовые, но будет полезна и тому, кто интересуется духовным наследием народов Сибири.

Научно-художественное безгонорарное издание.

- © Преловский А.В., переводы, стихотворные переложения, реконструкции эпоса, составление, вступительная статья, 2007
© НОВЫЙ КЛЮЧ, состав, оформление, 2007

ПОЭЗИЯ ТАЁЖНЫХ ГОР

Среди высоких горных хребтов, в непроходимой для городского жителя тайге, в кедровых дебрях Восточных Саян затерялся удивительно мир поэзии и древнего быта людей, которые в эпохи войн, разорительных набегов и всеобщего уничтожения сохраняли как могли свой непритомливый, но отмеченный высоким смыслом образ жизни, а с ним – родовые легенды, сказки, предания и короткие песни, пронизанные неистребимой жаждой жизни и любви.

Издавна этих горцев называли «карагасами».

Русские землепроходцы, когда проникли в глубь Саян, то повстречались и с этим доверчивым и незлобивым, как в старину говорили, народцем. И первое, что казаки расслышали, наверное, было слово «кара». Это многим хорошо известное тюркское слово. Дальше пошли догадки и догадки. Слово «гас», как выговаривали его лесные люди, тоже было русским знакомо: – это «гусь». Так и прилепилось сначала к тафжникам имя-прозвище: «карагасы» – чёрные гуси. Прилепилось, да и задержалось почти на три века, пока не разобрались с ним языковеды будущих времён.

Что же оказалось на самом деле? Совсем не гуси. На древнем тюркском языке, на одном даже из его диалектов словцо «гас» (каш, кас, гаш) означало: «кость» – в смысле: род, племя. А «кара» имело значение не только «чёрный», но и «могучий, сильный». И, кроме этого, еще одно значение: в соединении со словом «род» – старший. Так и надо было бы понимать: «кара-гас» – старший род (кость), «сарыг-гас» – не только «жёлтый», но и средний. Где-то в тайге, по этой нехитрой логике,

должен быть бы и «ак-гас» – не белый, а младший род. Но его что-то не обнаружилось. Видимо, никто не хотел принадлежать к младшим, ведь так естественно было считать себя старшим. Первородство чтилось не только у русских.

Тофаларский язык, являясь наречием общетюркского языка, со временем приобрёл некоторые, только ему присущие особенности. Говор стал мягким, даже слегка пришепетывающим, многие слова остались в своем рудиментарном значении: на языке, как и на фольклоре, сказывалась долговременная оторванность тофаларов от тюркской метрополии. Если они и имели контакты с тюрками, то, пожалуй только с тувинцами-тоджинцами, к которым кочевали через горы для обмена пушниной и другими товарами, да с хакасами правобережья Тубы и Енисея – в долинах этих рек.

Первым серьёзным исследователем быта и языка карагасов был Матиас Кастрен (1813-1852), финский этнограф и лингвист, в начале XIX века путешествовавший по Сибири. Ему принадлежит научная гипотеза о родстве сибирских самодийских и тюрко-монгольских народов и их языков, и он оказался первым, кто описал язык карагасов и составил словарь. Он же сделал первоначальные фольклорные сборы, но записи вёл на немецком языке (языке тогдашней фольклористики), и публикации его оказались для нас недоступны. Хотя, если сказать честно, даже перепевы с немецкого песен и преданий карагасов того времени были бы вполне уместны в нашей книге. Возможно, придёт и этим работам свое время.

Крупнейшим открытием карагасского языка и фольклора были уникальные записи Николая Федоровича Катанова (1862-1922), крещёного хакаса, выпускника восточного факультета Петербургского университета, ученика и последователя академика В.В. Радлова, одного из основателей сибирской фольклористики и доктора сравнительного языкознания.

На исходе зимы 1889 года, в санях с возницей, на копне сена в розвальнях, молодой Катанов заехал с севера, по льду реки Кан, в хребты Восточных Саян и углубился внутрь карагасской земли, – и так, от селения к селению, от чума к чуму, он двигался на юг по горным долинам на другую сторону Саян к Нижнеудинску, записывая все, что ему могли рассказать встречные охотники и скотоводы: сказки, предания, песни, обычаи, загадки, пословицы, приметы, жизнеописания, даже названия месяцев и зверей, – всё, всё! Кроме эпоса. К сожалению, не встретился фольклористу сказитель эпоса, да и, наверное, эпическая традиция к тому времени прервалась, как это иногда бывает. Был февраль-март – время соболевания, и не случайно среди информаторов Н.Ф. Катанова оказалось немало подростков, стариков и женщин, которые в промысле не участвовали, оставаясь на стойбищах с оленями и младенцами.

Двухтомное собрание катановского фольклора, куда вошли карагасские тексты наряду с текстами урянхайцев (тувинцев) и абаканских

татар (хакасов), стало крупнейшим культурным событием в Сибири в самом начале XX века. Впервые в России фольклорное собрание было разделено учёным на два тома: один том – фольклор на языках абorigенов, другой том – на русском языке в научных подстрочных переводах Н.Ф. Катанова, некоторые тексты он литературно сам и обрабатывал.

Это собрание – как IX том в двух книгах (СПб, 1907) – вошло в знаменитую многотомную фольклорную библиотеку, издаваемую академиком В.В. Радловым; она так и называлась: «Образцы народной литературы тюркских племён». Издание начато было Радловым в середине XIX века и закончено томом бурятского фольклора к 1930 году, много позже смерти учителя и ученика.

Именно этот самый IX том, в переплёте, сделанном еще руками моего деда, был вручён мне, едва научившемуся читать. Сделал это мой первый наставник в сибирской фольклористике и этнографии – Василий Иннокентьевич Подгорбунский, профессор Иркутского университета еще с 1930-х годов. Здесь о нем надо рассказать поподробнее.

Иркутск в начале XX века был сравнительно небольшим городом, и не случайно в нем все всех знали. Так старшие Подгорбунские и Преловские сблизались, видимо, на почве миссионерского служения, так как были священниками не в первом поколении. А дети их учились в одной гимназии, дружили с детства.

Так вот, когда в 1938 году, в лихую для страны годину репрессий, арестовали моего отца и его брата, то единственным человеком, который не отшатнулся от семьи врагов народа, был В.И. Подгорбунский. Когда моя мать, выгнанная из мединститута как жена врага, подолгу где-то пропадала, зарабатывая нам с братом на жизнь мытьём полов в бесчисленных конторах, профессор днями сидел с нами как нянька. Выражалось это в том, что он брал с полки книгу, рассказывал об авторе и вручал. Нельзя было не углубиться в чтение. Были это: вышеупомянутые записи Н.Ф. Катанова, якутский фольклор в записях И.А. Худякова, бурятские записи М.Н. Хангалова, а книги – первоиздания их фольклорных сборов XIX века, где были сосредоточены, в основном, предания и сказки, – любимое чтение мое и моих сверстников тех лет.

Никогда не забуду первооткрытие сказочного мира карагасов, затем бурят, дальше знание пошло вширь и вглубь. Длится до сих пор.

Думал ли я тогда, что через полвека с лишком стану переводить на русский язык катановские сборы – именно по той книге, с которой начинал читать, познавать сибирский, в частности, карагасский фольклор? Она и сейчас стоит на почётном месте в моей библиотеке, хоть листы ее выветрились, пожелтели, бумага стала крошиться от времени: все-таки сто лет книге! Но иногда снимаю ее с полки, открываю – и от запаха старой бумаги, вида колкого старого письма с ятями, а также от воспоминания о первочтении душа начинает томиться. Накатывает на тебя что-то неповторимое, снова незнакомое и почти родное. Я люблю перечитывать старые книги.

Так вот, через полвека с лишком после первооткрытия, я все-таки обратился к фольклорным сборам Н.Ф. Катанова: поэзия карагасов XIX века настойчиво просилась в переводы. Ее народная основа, жизнелюбие и краткая, родственная русской лирической частушке форма и предельная открытость были мне близки, дороги как уже усвоенное с детства знание. И поделиться им хотелось со всеми. Так появились переводы карагасских песен. Затем наступило время эпоса.

Эпос, как жанр, к сожалению, ни у карагасов XIX, ни у тофаларов XX века не был зафиксирован собирателями прошлого.

Не хочется верить в то, что его не было вообще. Эпос часто (из-за смерти сказителя или в передаче малоталантливых исполнителей-последователей) подвергается энтропии – обычно уже в распавшемся на фрагменты прозаическом виде продолжает свое бытование как предания, легенды, даже сказки. Так в Сибири происходило с эпосом эвенков, селькупов, манси, оро초нов, эвенов, и тофаларский эпос, видимо, не стал исключением.

Однажды тофаларские сказки в записях Н.Ф. Катанова представились мне цепочкой эпизодов, где действует один персонаж – основатель новой жизни народа – «культурный герой», как называет это явление фольклористика. Так зародилась мысль об авторском стихотворном переложении – о реконструкции сказания. Постепенно сложился сюжет, выстроились главы, в ткань повествования вошли подлинные народные песни – появилась авторская версия тофаларского сказания «Саян-Мерген».

Кстати сказать, название книги и сказания – «Саян Мерген» – переводится просто: «Саянский Охотник»; хотя в тюрко-монгольском эпосе Сибири понятие «мерген» трактуется гораздо шире: «меткий стрелок из лука», «витязь», даже «мудрец».

Я решил послать первый вариант своего сочинения в Улан-Удэ ученому-тюркологу В. И. Рассадину – тогда уже известному своими трудами по тофаларскому языку и фольклору. Я надеялся, что он подскажет мне, что сделать, чтобы улучшить текст, выправить возможные ошибки и т. д. Долго не было ответа. Я уж решил, что потерпел полное фиаско. Но чуть ли не через полгода пришло ответное письмо. Профессор писал, что он отвёз «Саян-Мерген» в Алыгджер, к тофаларам, там собрал старейшин и прочёл им мое сочинение. «Это наше, родное! – сказали старики. – Переводи, Валентин Иванович, на наш язык». Это была пора, когда В.И. Рассадин, преодолевая болезни, продолжал работать над составлением учебников для тофаларских школ. А потом жизнь увела учёного чуть ли не в Калмыкию, наша переписка оборвалась, и я до сих пор не знаю, какова судьба сказания «Саян-Мерген» на тофаларском языке. Но верю, очень хочется верить, что тофаларская версия уже существует, и что можно думать, как их объединить с русской под одной обложкой.

Вообще-то карагасы, каким-то образом издавна связаны с родом Преловских, или, вернее, наоборот. Может быть, тоже стоит об этом рассказать.

В роду Преловских, сибирских казаков, в XVIII веке выслужившихся до личного дворянства и получивших надел – майорат – заимку Кимельтей на Московском тракте под Нижнеудинском (а это недалеко и от современной Тофаларии), многие мужчины, младшие родственники, становились военными служаками или православными священниками, некоторые из них миссионерствовали среди бурят, даже давали новокрещённым свою фамилию.

Я знал из рассказов бабушки Анны Степановны Преловской (из енисейского рода казаков Епишиных), что ее свекор, мой прадед, Пётр Павлович Преловский был полковым священником и с иркутским казачьими частями участвовал в балканской войне с турками, прежде чем стал благочинным города Иркутска. Я даже помню, как мне доверяли поиграть его медальками за Плевну и Шипку – такими маленькими треугольными медяшками без колодок. Но я ничего не знал о его миссионерской деятельности.

И не узнал бы, если бы не открыл книгу фольклориста Радная Андреевича Шерхунаева («Сказки и сказочники Тофаларии», Кызыл, 1975). Там, во вступительной статье, фольклорист с молодым задором, пристойным скорее безбожнику-комсомольцу, чем учёному, обрушивался на своих предшественников.

Вот что Шерхунаев ставил им в вину: «Серьёзная и грубая ошибка в работах Штубендорфа, Преловского, Попова, Залесского состоит в том, что они, придерживаясь положений официальной науки своего времени, исходят из заранее построенной схемы: тофалары – представители «дикого племени», люди, находящиеся в первобытном состоянии, на уровне варваров, и подчиняют этому посылки, выдуманные доводы и «примеры» из народной поэзии. Такой подход заведомо обрекает авторов на неверный путь, не может дать объективную и научную картину. Они не смущались тем, что искажают действительные факты, закрывают на них глаза, фальсифицируют реальные вещи, – делают все, чтобы приписать народу духовное убожество».

Из всех трудов поименованных Шерхунаевым авторов, я нашёл только работу моего прадеда. Напечатана она была в иркутском статистическом сборнике, издании сугубо практическом, исключаяющем какие-то ни было «научные» изыски. Это была монографическая статья о быте, верованиях, обычаях карагасов середины XIX века.

Никакой «фальсификации реальных вещей», как пишет Шерхунаев, я там не нашёл. Да и никакой наукой там не пахло: беглые этнографические заметки миссионера-практика, правда, написанные доброй рукой наблюдательного человека. Да и не могло быть в те времена, в 1860-е годы, никакой науки: карагасская фольклористика находилась тогда только в младенческом периоде первоначального собирательства, и

до научных обобщений, а тем более до их фальсификации было ой-как далеко: сто лет, если не больше. Так что оставляем на совести Р.А. Шерхунаева его запоздалую борьбу с несуществующими противниками. Тем более, что он был прекрасно вооружён для этой «борьбы»: ему, в отличие от его предшественников, были уж хорошо знакомы записи Н.Ф. Катанова, а в них яснее ясного видно, о чем поют тофалары. О любви, о любви: к детям, к природе, к друг другу!

А в статье священника П.П. Преловского оказались записи некоторых карагасских коротких преданий и легенд, данных в его скупых подстрочных переводах. И это, похоже, были первые на русском языке (после немецкоязычных – Кастрена и Штубендорфа) записи карагасского фольклора, потому что, уже строго научные, записи Н.Ф. Катанова появились несколько позже – только в начале 1890-х.

С каким чувством приобщения к делу своих предков, пересказывал я эти записи! Одно лишь сознание, что я продолжаю не только родовую нить, но и русскую фольклористическую традицию первых сибирских учёных, наполняло сердце гордостью, а совесть ответственностью. Жаль, что записей у прадеда оказалось немного, всего ничего.

«Саян-Мерген» – эта, маленькая по объёму, книжка складывалась, однако, долгие годы. Сперва тофаларский фольклор в моих переводах явился на свет в малоформатном издании Н.Ф. Катанова («Шаманские песнопения». «Лит-Экспресс». Москва, 1996), затем в двухтомном переиздании трудов Н.Ф. Катанова («Фольклор саянских тюрков». «Новый Ключ». Москва, 2003). Но к этому со временем прибавились и некоторые новые переводы из записей других собирателей тофаларского фольклора.

Много раз я пытался поехать в Тофаларию но всегда какая-нибудь заковыка мешала: то болезнь, то что иное. С покойным Саней Вампиловым весной 1962 года мы едва не достигли Алыгджера, но из-за тумана и ветра в горах застряли в Нижнеудинске. Просидев чуть не весь срок свой командировки, ожидая «у моря погоды», мы решили отправиться дальше по маршруту выступлений: в Тайшет и вокруг него.

Именно то обстоятельство, что я лично так и не смог побывать в Тофаларии, годами висело у меня на совести, может, подспудно помогая работе над переводами, ускоряя результат.

Наконец, книга «Саян-Мерген» выстроилась и, хоть она невелика, но это мой личный вклад в тофаларскую фольклористику.

Хочется особо сказать о песенном богатстве тофаларского фольклора. У меня такое сложилось впечатление, что в Тофаларии поют все, обмен песнями – самое обычное дело. Поют дома, в поездке, на работе, поют когда одни, когда вдвоём или во множестве, например, на игрище. А в песнях различаются «мужские» и «женские», также

«личные» – то есть песня своего рода-племени или песня исполнителя, как свидетельство его принадлежности в той или иной группе людей, нечто вроде таежного звукового паспорта.

Изначальная тюркская песенная традиция роднит тофаларские песни с хакасскими тахлахами и татарскими такмаками, с песнями тувинцев. Обычно это трёх-четырёхстрочная строфа, неприхотливая мелодия, простые, но сильные чувства заключаются в словах и мотивах песен.

А вот что пишет о тофаларской поэзии музыковед-этнограф А.К. Стоянов: «Основа структуры песенного стиха – силлаботонический восьмисложник. Особо выделяются такие элементы тофаларского песенно-поэтического стиля, как начальная и внутренняя аллитерация (на гласных и согласных), параллелизм, повторы. Однотипная структура стиха позволяет любой текст исполнять на любой мотив. Чаще всего напев не имеет закрепления за определённым текстом».

Многие песни удивительно живучи: в нашей книге внимательный читатель найдёт песенные сюжеты, в записях отстоящие от своих «предшественников» на 80-100 лет. Это качество тофаларской песенной поэзии чётко и по-научному убедительно выделил В.И. Рассадина в своей книге тофаларских сборов: «Легенды, сказки и песни седого Саяна» (Иркутск, 1996). Собственно, это первая научная книга о тофаларском фольклоре, и появилась она почти через полтора столетия после Ю.П. Штубендорфа и П.П. Преловского (полемист Шерхунаев, видимо, этого не учитывал, а жаль).

Книга «Саян-Мерген» сложилась сама собой: народная проза, народная поэзия, приложения.

В первом разделе – даны художественные переводы поэзии тофаларов как из собрания Н.Ф. Катанова, так из собраний его последователей В.С. Рассадина и А.К. Стоянова. О книге А.К. Стоянова «Тофаларские народные песни» (Иркутск, 1980) хочется сказать особо. Это тексты (оригиналы и подстрочные переводы) с нотными записями мелодий и распевов. Автором она была подарена мне при личном знакомстве в Абакане, когда А.К. Стоянов еще готовился к защите кандидатской диссертации. Но в книге В.И. Рассадина «Легенды, сказки и песни седого Саяна» записи А.К. Стоянова стоят рядом с записями самого В.И. Рассадина, они не выделены в самостоятельный раздел, да и все они подвергались расшифровке с магнитной ленты и научному переводу. Не вычленив поэтому записи А.К. Стоянова и здесь.

В разделе «Народная проза» только записи П.П. Преловского даны в пересказе, причем тексты их несколько ритмизированы в народной исполнительской традиции. Остальные записи – это научные подстрочные переводы, которые как у Н.Ф. Катанова, так и у В.И. Рассадина очень хороши: чистый язык, грамотное изложение, чувствуется точность передачи оригиналов. Признаться, не хотелось

их трогать, подвергать современной стилистической правке: они и так читаются как самостоятельные образцы.

Зато в разделе приложений представлены некоторые (в основном новые) пересказы и переложения тофаларских сказок, причем, оговоримся заранее, что, например, пересказы новосибирского прозаика А. Коптелова мы сюда не включаем намеренно, потому что они в последние десятилетия часто перепечатывались в сибирских фольклорных сборниках для детей.

Любознательный читатель имеет право спросить: а для чего переводить тофаларскую поэзию на русский язык? Ответу сразу. Для того, чтобы человек, знающий современный тофаларский язык, мог сопоставить язык XIX века со своим знанием языка: в оригинале, а за неимением его – в переводе. Для того, чтобы не знающий тофаларского языка смог почувствовать народную поэзию тофаларов хотя бы из перевода, а не из прозаического пересказа, каким сопровождаются научные публикации фольклора. Перевод из поэзии в поэзию в поэтике подлинника – это все-таки не тот суррогат, что нынче предлагается, а то и навязывается читателю теми издателями, которые пускают в широкую продажу тиражи сугубо научных книг, трудных для чтения и восприятия.

И действительно, знали ли бы мы, любили бы американо-индейскую «Песнь о Гайавате», если бы молодой поэт Иван Бунин вовремя не перевел бы эту «фольклорную» поэму Генри Лонгфелло русским стихом с английского языка, если бы мы получили ее только в прозаическом пересказе?

Перевести народную песню, сказание, пересказать легенду или сказку на другой язык – значит вывести эту народную (первородную) поэзию на новые высоты, новые круги чтения – навстречу новым читателям, в том числе не только областным, но и всероссийским, а там и зарубежным. Ради этого стоит потрудиться, как трудились, не жалея жизни, над переводами иноязычной поэзии наши предшественники – от Ломоносова и Жуковского до Гумилева и Заболоцкого. Примеров этому нет числа.

А если спросили бы меня: что тебя подвигло на такие труды? Тоже ответу сразу: все, что рассказал до этого, – вот причина, а также повод и многолетний стимул переводить народную поэзию не только тофаларов, а вообще всех коренных сибиряков, с которой общаюсь с детства, которую люблю, как свою родную, и хочу поэтому помочь ей укорениться хотя бы в сердцах и памяти тех, к кому она придёт в виде небольшой переводной книжки.

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ТОФАЛАРСКИЕ ПЕСНИ

из собрания Н.Ф. Катанова

1

Что нам делать, как не веселиться?
Надо, надо с песнями дружить.
Что же делать, если не резвиться?
Надо беспечально жизнь прожить!

2

Как можно жить, зверей не убивая?
Я был охотник и охотник буду.
Как можно жить, в молчанье пребывая?
Я говорил с людьми, и дальше буду!

3

— Был у меня сердечный друг,
решительный и смелый,
да вот состарился он вдруг —
стал с головою белой.

— Как не расстанусь с сединой,
так не расстанусь и с тобой!
Твоих прекрасных кос, мой друг,
вовек не выпущу из рук!
Я вечер старости моей
в любви продлить стараюсь
и чернотой твоих кудрей
играть не наиграюсь.

4

У какого дерева верхушка
в целости-сохранности осталась?
У какого из мужчин печёнка
целою до старости осталась?
Реку, что привольно с гор течёт,
не остановить, не замутить.
Умное дитя, когда умрёт,
то его вовек нельзя забыть!

5

Если мудрый вдруг осиротеет,
то его родные не оставят.
Он и песню поддержать сумеет,
и на играх хоровод возглавит.
Но не станет петь и развлекаться,
если у него любимой нету,
и не будет, как немой, скитаться
по большой тайге — по белу свету.

6

Друг мой, что ж ты у дверей стоишь —
придвигайся: может, посидим?
Друг мой, что ж ты у стола сидишь —
придвигайся: может, полежим?

7

О мой добрый человек,
хорошо, что добрый ты:
это очень хорошо,
что ты даришь мне цветы!

8

Мой олень-трёхлеток что-то встал:
устали не знал и вдруг устал.
Терибаш* передо мной предстал —
он теперь мне милым другом стал!

8

Серо-белый заяц ищет, где кормиться,
конь кауро-жёлтый без меня скучает.
Росомахе жёлтой без тайги не спится,
а мой бойкий милый без меня скучает.

9

Когда на речку красную гляжу,
она играет волнами своими.
Когда я на подружек погляжу,
то хочется повеселиться с ними.

Когда на речку синюю гляжу,
она сверкает волнами своими.
Когда на пареньков я погляжу,
то хочется мне прогуляться с ними.

10

— Как ленивого коня я оседлаю,
то поеду я, кнута не применяя.
Как девицу сделать другом пожелаю,
буду жить, ее секреты узнавая.

— Как коня я оседлаю голубого,
он поскачет, сам дорогу узнавая.
Как найду себе дружка я молодого,
буду жить, то развлекаясь, то играя.

* Терибаш — мужское имя.

Он найти сердитую желал,
а красноголовую нашёл!
Он по нескучающей скучал,
а желтоголовую нашёл!

Не живут воробы порознь никогда,
не минует человека боль-беда.
Красное сукно дырявой тряпкой станет,
а красавица, увы, старухой станет!

С маленьким хозяином моим
я никак расстаться не могла —
я в дверях стояла перед ним
и хоть слова от него ждала.

Вот, надела шубу я свою,
натянула обувь я свою —
мехом я и обувью скриплю:
как же дать понять, что я люблю?

Здесь не Кондумей* ли коротышка?
Или здесь куничка, не пойму?
Здесь не Тобылай ли уж малышка?
Или кабарга, я не пойму?

* Кондумей и ниже Тобылай — женские имена; значение определить не удалось — А.П.

Жёлтый мой оседланный олень
ждёт на привязи, когда приду.
Мне подругу поджидать не лень —
у дверей, когда откроет, жду.

Без подруги мне удачи нет,
без подруги мне покоя нет.
Я готов ей подарить браслет,
лишь была б со мной до склона лет!

— Если бы огниво стало нужно мне,
я б его на шкурку соболя сменял.
Если ножик острый стал бы нужен мне,
я б его на шкурку колонка сменял.
Не сойдясь в обмене, я б его украл!

— Бедный мой борщовник с толстой головой,
милый мой охотник, парень молодой,
если бы с тобою встречалась я,
то уж не тайгой бы любовалась я —
только бы с тобою обнималась я!

Кто знакомит незнакомых? —
это речка наша Ына*.
Кто находит нам искомых? —
это сваха наша Ына!

Девки русые и форсистые —
все у Токарева они;
малорослые, неказистые —

* Ына — тофаларское название реки Большая Бирюса.

у Рязанова все они;
заводные и любострастные —
к Воронцову* уходят все;
а рябые или несчастные —
на Хорме** остаются все!

19

Подожвы гор туманами укрылись —
и девки тут же в шапки нарядились,
а юноши в картузах появились:
туманы возле гор моих сгустились!

20

Утро подошло, и рассветало —
в птицах проявились звук и прыть.
Солнце над тайгой засияло —
шапкой сможешь ли его накрыть?

21

Мясо, что мне подавали,
слишком жёстким оказалось.
Та, к которой я приехал,
от знакомства отказалась.
Хлеб, которым угощали,
был сырым, как оказалось.
Та, любить кого я ехал,
от любви и отказалась!

22

Маленькую головню
в печку не пихайте,
друга, что пришёл ко мне,
вы не осуждайте!
Невеликий чурбачок
в пламя не бросайте,
друга, что в пути продрог,
вы не оскорбляйте!

23

Непременный точный срок*,
чтоб собраться в декабре
на реке Торгу-Туруг.
Соберёмся точно в срок
на Рубахине-реке,
что сведёт нас в тесный круг!

24

Выпал снег обильный с гор,
мёрзнет человек и зверь.
Многолюдный зимний сбор
весь разъехался** теперь!
Там, где находились мы,
стало меньше кутерьмы, —
место, где сходились мы,
всё в объятиях зимы!

* Точный срок... — примечание Н.Ф. Катанова: «Срок для сбора карагасов при уплате податей — 6-го декабря. Речка Торгу-Туруг впадает в Рубахину с правой стороны... Рубахина, на которой съезжаются карагасы, называется у последних «Уда».

** Весь разъехался... — Н.Ф. Катанов поясняет, что здесь «поётся о суглане разъехавшемся». Суглан — так у тофаларов назывался тот самый сбор, о котором сообщалось в предыдущей песне.

* С.П. Токарев, Рязанов, А.Г. Воронцов — по сведениям Н.Ф. Катанова, «золотопромышленники, имеющие свои прииски в Вирюсинской системе».

** Хорма — река или местность, нам установить не удалось. — А.П.

Шагом он готов уехать!
 С ним уехать — вот мученье!
 Рысью он готов уехать!
 С ним остаться — вот мученье!

Я бы с милым быть хотела,
 да его сестры страшусь;
 я бы с милым жить хотела —
 матери его боюсь!

Я бы к ним в семью хотела,
 да его дядьёв страшусь;
 я бы с ними жить хотела,
 да отца его боюсь!

Взойдёмте-ка высоко в горы,
 где много лиственниц растёт,
 и каждый пусть играет песни,
 и каждый песни пусть поёт!

Поднимемся повыше в горы,
 где прямоствольный кедр стоит,
 и хоровод пускай кружится,
 и песня пусть дружной звенит!

Самая красивая девица —
 это девушка моя, конечно.
 Конь, ни с кем который не сравнится, —
 это мохноногий мой, конечно

Жёлтая, как золото, девица, —
 это милая моя, конечно.
 Жёлто-золотой, как та девица,
 редкостный скакун — он мой, конечно!

Чтоб в снегу не ночевать,
 балаган себе он ставит, —
 мне такое по душе,
 что он может дом поставить.
 Чтобы легче кочевать,
 он тропу в тайге прорубит, —
 мне такое по душе,
 что здороваться он любит.

Чтобы чай варить, запас
 дров у чума он готовит, —
 мне такое по душе,
 что он взгляд мой взглядом ловит.
 Чтоб ко мне прикочевать,
 он в тайге дорогу рубит, —
 мне такое по душе,
 что здороваться он любит!

Как бы переехать гору,
 что крута и высока,
 как бы с тем мне подружиться,
 у кого крепка рука?
 Как бы перейти мне реку,
 что быстра и глубока,
 как бы с мудрецом сдружиться,
 мысль которого крепка?

Если бы во время ловли рыбы
милый мой пришёл ко мне,
рыбный пир устроить мы смогли бы.

Если бы во время ловли зверя
милый мой пришёл ко мне,
пир мясной устроить мы смогли бы.

Был отец у меня,
да он пропил меня.
У меня мать была,
да меня пропила.

За шесть чашек вина
замуж я отдана!

Кто в чужой стороне
станет плакать по мне,
если даже родня --
как враги для меня?

За шесть чашек вина
замуж я отдана!

Ах, тайга, где жила,
сердцу милой была.
А тайгу, где живу,
скальным пленом зову.

За шесть чашек вина
замуж я отдана!

Есть трубка для куренья у меня,
а у нее смородинный чубук, —
сам вырубил, сам выстрогал ее
и приучил не выпадать из рук.

Есть табачок отменный у меня,
он для меня всегда отрадным был,
когда давал висячий синий дым, —
я тот табак на Ангаре купил!

Есть у меня еще один табак:
он мне всегда густейший дым давал,
его всегда за пазухой держал, —
тот табачок я в Канске покупал!

Я буду жить: покуривать табак,
чай попивать — что любят стар и мал,
что греет мне нутро и дух бодрит, —
я это в Красноярске покупал!

Чтоб найти в Саянах нас,
в дальний, долгий путь пустился
человек Туба* — сейчас
на Ыне он очутился.
Чёрную бумагу он
развернул — а там Уда**.
Нынче погостюет он,
а отправится куда?

Вот белый мягкий снег пошёл,
с ним сборщик податей пришёл:
за белым снегом, что летел,
он разглядеть меня хотел.

* Человек Туба — так, скорее всего, называли тофалары тувинцев, а не хакасов, которым являлся сам Н.Ф. Катанов. Примечание Н.Ф. Катанова: «В этой песне Эленге разумеет своего собеседника Н.Ф. Катанова, приехавшего из «великой земли» (Санкт-Петербурга). Под «чёрною бумагою» рассказчица разумеет карты, наклеенные на чёрный коленкор».

** Уда — крупная река, стекающая с Саянских гор, левый приток Ангары.

Голубо-пёстрый пёс его
стал бойким и проворным,
чтоб проводить в тайгу его!

Чёрно-седой олень его
стал бойким и проворным,
чтоб в горы увезти его!

Разве пиалу китайскую
не поставил нынче он
возле шахматной доски?

Разве чашу золочёную
не принёс к предгорью он —
духам леса и реки?

Дал возлюбленный мне оленя,
да отняли его у меня.
Дал возлюбленный оленуху,
да угнали ее у меня.

Сам возлюбленный появился,
чтоб оленей найти и меня,
но потерей не огорчился,
ведь пришёл и нашёл он — меня!

Бросил милый мой меня,
с кем я прожила года.
Для чего ж он пел о том,
что не бросит никогда?
Где в тайге любимый мой,
как найти мне путь туда?

Для чего ж он пел о том,
что мы вместе навсегда?

Он у Бога сил просил,
чтобы хватало песни петь —
Бог его и наградил
дыриватой грудью.

Он у Бога сил просил,
чтоб любовь свою воспеть —
Бог его и наградил
звонкой, мощной грудью.

Не продашь ли мне коровы —
молока попить хочу.
Вместо сливок от коровы
водку сам я получу!
Молоко на спирт меняя,
славно водку попивая,
буду по-кабацки жить
и коровушку доить!

Нынче в Уковской деревне*
выходящим и входящим
я, конечно, буду!

Но и в Маринской деревне
выходящим и входящим
я повсюду буду!

* Примечание Н.Ф.Катанова: «Упомянутые 2 русских деревни находятся
ближе к Нижнеудинска и известны своими кабаками».

Ук — видимо, от «ок» — по-древнетюркски: «стрела». — А.П.

Белая лопаточная кость
довела до бедного коня.
Изувеченный в работе конь
к женщине в снегу привёл меня.

Женщина, согревшись, повела
по земле — искать любовь мою,
а любовь — до песен довела:
страстью вдохновлённый, я пою.

Если не помрёт подруга,
то не проживёт ни дня
без припевок, игр и круга,
и без друга — без меня!
Если выживет подруга,
то уж поспешит успеть
друга выманить из круга
и все песни перепеть!

Если будет долго жить,
то он счастья не получит,
а себя лишь изведёт
и других вконец измучит.
Душу с телом изведёт
и с друзьями разминётся,
пока что-нибудь поймёт
и ума понаберётся!

— Если скакуна-ленивца оседлаю,
можно мне без плётки обойтись тогда.
Если на всю жизнь подругу выбираю,
с нею будет юрта и душа одна.

— Если голубого скакуна возьму я,
сам в тайге дорогу он к жилью найдёт.
Если при свиданье парня обниму я,
с ним тогда в обнимку и вся жизнь пройдёт!

Если кто в пути помрёт —
это вроде я, однако.
Если кто пойдёт вперед —
это мой скакун, однако!
Если в землю кто сойдёт —
это, старый, я, однако.
Если дальше кто пойдёт —
это песнь моя, однако!

Если туча чёрная придёт,
пусть с собой не унесёт
чернобровую мою —
пусть ударит громом,
прошумит за домом!

Если туча свежая придёт,
пусть она не отберёт
черноглазую мою —
пусть дождём прольётся,
больше не вернётся!

Бурхан, Великий Бог,
дал человеку грудь,
чтоб крепкою была,
чтоб звуки издавала.
Сам Небожитель смог

так снарядить нас в путь,
чтоб песня нас вела
и в жизни согревала!

51

Я хотел бы песню спеть
для своей подруги,
да Бог не дал занять
дорогой подруги.

А в тайге поёт лишь тот,
кто любим и любит,
и о том лишь он поёт,
как любим, как любит!

52

Что себя он изнуряет,
что себя он утомляет —
ноги в стремя не вдевает
и коня не погоняет?

Что себя он истощает —
кнут витой не применяет,
к скакуну не припадает
и ползёт, а не летает?

53

Ты худого человека
не обидеть постарайся!
Смелого же человека
никогда не опасайся!
Видя правду и неправду,
разделять их не спеши
и царю, отцу и Богу,
как учили, так служи!

30

54

— Если я оседлаю
золотого коня,
то без плётки, я знаю,
понесёт он меня!

Если девушку встречу
и любовью отвечу
на любовь, то со мной
будет жить она жизнью одной!

— Если я оседлаю
голубого коня,
понесёт ли, не знаю,
он без плётки меня?

Если юношу встречу
и любовью отвечу
на любовь, то мы с ним
насладимся ли счастьем одним?

55

Незнакомых знакомящая,
Ына*, мать наша, рыбой полна:
зубы холодом ломящая
голубая как небо волна,
а под волнами — солнца до дна.

Серебрится твоя ширина,
золотится твоя глубина,
отдалённых сводящая,
незнакомых роднящая,
Ына, мать наша, рыбой полна...

* Ына — тофаларское название реки Большая Бирюса, имеет плавающее ударение на «ы» и на «а»; здесь мы избрали первое. — А.Л.

31

ТОФАЛАРСКИЕ ПЕСНИ

из собрания В.И. Рассадина

1

Двух оленей – я ни с чем осталась! –
увели, пока я целовалась.
Оленуху – я ни с чем осталась! –
увели, пока я обнималась!

2

Думал промышлять я – соболь мелковат.
Думал я жениться – девушка мала.
Думал поохотиться – заяц мелковат.
Думал сватать девушку, но – мала, мала...

3

Солнышко взойдёт ли –
или не взойдёт?
Мой дружок придёт ли –
или не придёт?

4

Сапоги все в дырах оказались,
и коня поймать я не смогла.
Все твои родные оказались
сплетниками, – вот я и ушла!

В дни, когда я пела да плясала,
 маленький сыночек появился.
 В дни, когда без устали играла,
 славненький ребёнок появился.
 В дни, когда сама не ожидала,
 сын двухгодовалый появился.

Лучше, померев, лежать в земле,
 чем с друзьями верными расстаться.
 Лучше, умерев, лежать в земле,
 чем без милой одному остаться!

Ветерок, подолгу не стихает,
 снегу так насыплет, — не смести.
 Если от немилого сбегают,
 то за реки, горы, — не найти.

Ты любил, надумал покидать, —
 мне одной остаться очень плохо.
 Ты пожил, надумал помирать, —
 мне одной остаться очень плохо.

Думала, что водка, оказался спирт, —
 пить такое не могу.
 Думала, что трубка, ну а в ней дунса*, —
 я курить такое не могу.

* Дунса (дун-за) — китайский медовый табак, был обычно низкого качества.

Что же, до свиданья! — и живи спокойно:
 может быть, мы нынче встретимся ещё.
 Что же, до свиданья! — и живи счастливо:
 может, в этой жизни встретимся ещё.

Как прекрасен цветущий луг!
 Как страдаю одна, без подруг!
 Как прекрасна тайга, дым над ней!
 Как печально без людей, без парней!

Бросил меня тот, с кем прожито немало, —
 для чего ж он пел мне о любви?
 Бросил меня тот, с кем я беды не знала, —
 для чего ж он клялся мне в любви?

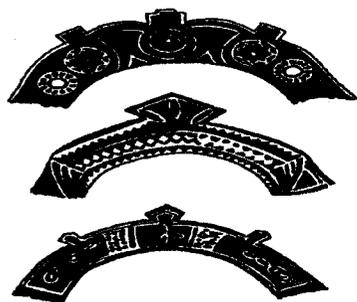
Когда пою о том, что вспоминаю,
 то плакать очень хочется тогда.
 Когда же говорю о том, что я скрываю,
 то грустно мне становится тогда.

Если я сама умру, —
 родичам мой конь достанется;
 Если вправду я помру, —
 песня жить моя останется.

Как поставлю ногу в стремя —
вспомню друга своего;
вниз ли, вверх ли когда еду —
помню лишь его, его!

Если вспомню разговоры с милым,
говорить потише хочется;
если вспомню, что мне пел любимый,
от любви заплакать хочется.

Если сердце от страха трепещет,
то ладонью его успокой;
если щёки стыдом твои блещут,
то косою румянец прикрой.

ШАМАНСКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ XIX–XX ВВ.

ПЕСНОПЕНИЕ ПЕРЕД КАМЛЕНИЕМ

Я тот самый, тот самый,
кто поёт и шаманит,
кто всегда побеждает.
Вот мой бубен широкий!
Ночь я всю прокамлаю*,
а к рассвету погибну!
Но до первого солнца
поборюсь я с врагами
и умру, отшаманив!
Ничего нет на свете,
что б не знал я, не видел!
Я хожу и камлаю,
хоть предвиденьем болен,
потому что для хворых
я шаманю особо!
Что смогу, всё исполню
и не дам послабленья!
Каждый раз я, камлая,
землю всю огибаю!
Езжу я на изюбре —
это конь для шамана!
Близкий путь или дальний —
до конца прохожу я
круг ночного камланья!

* Камлать — глагол, образованный от тюркского названия шамана «кам», вошел в речевой обиход еще в XIX или в начале XX века. — А.П.

1

МОЛЕНИЕ ОХОТНИКА
ПЕРЕД ОХОТОЙ НА ЛОСЯ

Шёл в тайгу, голодая,
 шёл сюда, умирая,
 шёл я, ноги ломая
 и ступни разбивая!
 О вы, горные духи!
 К вам с надеждой взываю:
 покажите мне нечто,
 что, узрев, не признаю,
 что не взять на бегу,
 что поднять не смогу!

2

МОЛЕНИЕ СТАРЕЙШЕГО ОХОТНИКА
ПОСЛЕ ДОБЫЧИ МЕДВЕДЯ НА БЕРЛОГЕ

Всё это духи горные нам дали –
 в тайге они нам нечто показали,
 что дом имеет скрытый, земляной,
 что спит зимой в постели моховой,
 что, увидав, никак нельзя узнать,
 а, застреляв, никак нельзя поднять!

3

ЗАКЛИНАНИЕ ШАМАНА
ПРИ ИСЦЕЛЕНИИ ОТ БОЛЕЗНИ

На жёлтом олене,
 бегущем рысцою,
 озёра объехал
 и горы проехал
 я – Сарыг-оол*.

* Сарыг-оол («сарыг» – букв. желтый, но может быть и в значении «средний»; но Сарыг – и самоназвание одного из тофаларских родов; «оол» – сын) – имя собственное. (Здесь и далее примечания В.И. Рассадина).

Как с неба, гляжу я
 на горы, озёра
 внизу, подо мной!

Священное место –
 седло перевала
 у снежной вершины,
 где возле подошвы
 исток Иркутга!

Поклон тебе низкий,
 Ностоол-тайга*!

Беда у нас: дети
 болеют, страдают.
 На детские жизни
 туман опустился –
 тяжёлый, белёсый,
 он давит и давит!
 Большая беда!

Я прибыл, чтоб духов
 спросить, что нам делать –
 что, как врачевать нам?
 Ответствуй, отец наш –
 Ностоол-тайга!

Чтоб слово совета,
 чтоб мудрость наказа,
 от духов принявши,
 доставить болящим,
 на жёлтом олене
 по горным тропинкам
 поднялся высоко
 я – Сарыг-оол*!

* Ностоол-тайга (букв. Стол-гора, поросшая лесом) – местонахождение не установлено.

ОТВЕТ ДУХА-ХОЗЯИНА НОСТООЛ-ТАЙГИ
НА ПРОСЬБУ-ЗАКЛИНАНИЕ ШАМАНА

Если духам горы посвящён
будет жёлто-соловый скакун,
если будет горе посвящён
чисто-белый трёхлеток-олень,
то в судьбе ваших бедных детей
жизнь и хворь в равновесье придут –
и болезни, как утром туман,
испарятся, исчезнут с росой!

ЗАКЛИНАНИЯ
ПРИ ВРАЖДЕ ДВУХ ШАМАНОВ

Шаман чептеев* стал моим врагом!
У нас большая драка началась –
звон стрел войны наполнил всё вокруг!
Я не боюсь врага!

Я, как шаман чогдú, велик, могуч,
и корень крепок мой: стоят за мной
священные вершины, воды рек, –
все в этой схватке помогают мне!
Врагу не сдамся я!

Особенно же помогает мне
Алхы-Адыр** – священная гора,
чей пик железный Небом раздвоён!
Три вечера подряд шаманю я –
три вечера сражение идёт,
не тихнет бой!

* Чептей и ниже чогду – названия тофаларских родов (костей).

** Алхы-Адыр – местонахождение не установлено.

Я жизни в этой схватке не щажу,
пыл освежаю ключевой струёй
и жду поддержки от Земли-Воды*.
Пусть всех шаманов родственная власть
умножит силы и не даст пропасть!
Лети, моя стрела!

У гор, у вод, у леса, у земли
и у детей я помощи прошу!
Великие шаманы – шептуны
и предсказатели – у вас у всех
я помощи прошу!

Пожертвовав остатком дней моих
и чёрной головой, и всю пролив
кровь красную свою, и получив
поддержку отовсюду и от всех,
сражение свое продолжил я –
изничтожал врага!

И стала сохнуть голова его,
и высохла совсем – и ослабел
великий кам чептеев, недруг мой!
Когда три ночи наша битва шла,
помог мне Дух родной Земли-Воды.
Не пожалев ни чёрной головы,
ни красной крови, силы все вложил
я в смертное сражение с врагом!
Не выдержал шаман чептеев – сник,
и вот он побеждён!

* Земля-вода – как у всех тюркских народов Сибири, в тофаларском эпосе и шаманском обиходе означает понятие родины, куда входит все, что составляет саму жизнь человека: земли, род, память, могилы предков и капища и т. д.

СТИХОТВОРНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

из собрания Н. Ф. Катанова

Ленивый работы боится,
прилежного работа боится.

У седла две луки, не больше;
у мужчин одно слово, не больше.

Завидевши гору, полы не подтыкай;
завидевши реку, сапог не снимай.

У коней — наружи чернота,
у людей — внутри некрасота.

Если свистать, ветер завьётся;
если шептать, сплетня займётся.

Хозяйку, которая любит поспать,
по дыму из чума легко узнать.

Языком он дерево срубает,
а гору норовом одолевает.

За столом он жуток:
так любит пить и есть,
что у него желудок
опережает честь.

Кто с костра глаз не спустит,
тот пожара не допустит.

С оленем строже, суровой будь,
а то получишь копытом в грудь.

СТИХОТВОРНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

из собрания В.И. Рассадина

57

После ветра — снега много,
после смеха — слёз премного.

65

С огнём дружись,
с водой водись,
к ветру не клонись.

68

Пей чай, пока горяч,
а, не обиженный, не плачь!

78

Плёткою махать посмел,
а ведь еще в седло не сел.

44

ЗАГАДКИ

из собрания Н.Ф. Катанова:

1. Хищники стягивают сети, а враги стягивают войско. —
Лов рыбы неводами.

2. Укреплён белыми и месится чёрным. — «Белые» — зубы,
а «чёрный» — язык.

3. Есть рот, которым он ест; но нет брюха, куда вливать. —
Юрта; «рот» — дымник ее.

4. Старик, имеющий лисью шапку, перевалил через сто-
ящую гору. — *Закат солнца вечером.*

5. Есть рыжий конь и вороной конь, которые скребут
друг друга. — «Рыжий конь» — огонь, а «вороной конь» — сосуд;
«скребут» — пламя огня.

6. Седовласый старик сидит на хребте горы. — *Снег, нав-
ший на пень.*

7. Сверкнул огонь из аркана. — *Огонь из ружья.*

8. Под елью кипит чугунный котел. — *Муравейник.*

9. Почему вспотел твой конь? — *Я переехал на нем большую
воду!*

10. Зачем у тебя засален рот? — *Я ел жирную овцу! — От-
гадка: нож.*

45

ЗАГАДКИ

из собрания В.И Рассадина:

1. Один кувшин о семи дырках. — *Голова.*
2. К какому дереву снег не прилипает? — *Рога.*
3. Хоть и маленький, а шапка больше самого. — *Гриб.*
4. Я не смог свернуть свой длинный аркан. — *Дорога.*
5. Стоит гора вся в дырках. — *Поленница.*
6. Без ног ходят, без головы считают. — *Часы.*
7. Едет без следа, режет без крови. — *Грести веслами на лодке.*
8. Сладше сладкого и мягче мягкого. Что это? — *Сон и кулак под головой.*
9. Четыре парня с одной единственной шапкой. — *Стол.*
10. Сто птиц с одним клювом — *Чум.*
11. Хоть и алчная до орехов, а всегда тощая. — *Кедровка.*
12. В волосяной ограде пегая лошадь. — *Глаз.*
13. На конец жерди села большая птица. — *Колот для сбивания шишек.*
14. Отец гонится, гонится, не может догнать своего сына. — *Колёса телеги.*
15. Мой белый конь стоит, открыв рот. — *Печка.*

НАРОДНАЯ ПРОЗА

ТОФАЛАРСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

в записях священника П.П. Преловского

О ЛУНЕ

О луне тофалары имеют немало преданий, и одно из них так повествует.

Жил когда-то среди тофаларов большой, как гора, Великан. Был он страшным обжорой и голод испытывал вечно. Все живое, что только увидит, что только заметит, пытался он съесть. Рыб, лягушек хватал он руками, птиц ловил он силками, а зверей и зверюшек давил, где догонит. Ел и ел, и наесться не мог.

Стало мало живого в округе. Стало голодно жить Великану. Он пошел по горам, по долинам, поедая что только ни встретит. Так он долго бродил по тайге, за собой пустоту оставляя.

И набрел Великан на улус тофаларский – у реки на поляне высились юрты, там люди ходили, и все они были ему до колена.

Великан отловил одного человека и съел. Очень вкусной еда показалась. За одним он другого сожрал – понемногу улус опустел.

До другого улуса дошёл по реке Великан-людоед, там людей было больше. Вознамерился он проглотить и всех этих людей.

Но те люди слышали уже о грозящем им страшном несчастье, от которого нету спасенья. По тайге и горам прокатилась недобрая слава, и она обгоняла в пути Великана.

Обратились те люди к Бурхану – верховному Богу небесному. Обратились они и к Аза – всемогущему духу подземному. Их призывы услышаны были – Бурхан появился в улусе.

И сказал тофаларам Бурхан:

– Вы не бойтесь, я вас от несчастья избавлю. Великан-людоед не дотянется больше до вас!

И призвал он к себе Великана – тот приполз к основанию горы, где Бурхан восседал, озирая миры.

– Я тебе на съеденье, обжора, предназначил одних лишь животных. Почему ты людей поедает? – так сказал Великану Бурхан.

Ничего Великан не ответил. Да и что отвечать людоеду, если заповедь Бога нарушил?

– Нет прощенья тебе, ненасытный! Ты отныне поселишься там, где людей никогда не бывало и не будет, и не будет. Станешь вечно ты жить на луне! – так решил, так Бурхан повелел. И позвал он Аза, чтобы тот повеленье исполнил.

Подхватил Великана Аза, поволок его к Небу. Но в своей ненасытности страшной людоед ухватил одного человека с земли – потащил, как добычу, с собою. Так вцепился в него, что разнять их не смог даже сам всемогущий Аза.

И унёс Великана Аза на луну, выполняя решение Бурхана. Там, в безлюдье сплошном, пребывает доныне Великан-людоед.

Но когда мы глядим на луну, нам порою привидятся тёмные пятна и тени на светлом. Кто позорче, тот может легко разглядеть Великана, что нагнулся, держа человека за слабую руку – огромной ручищей своей.

О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ

Как запомнили, как передали нам старые люди, земля – весь наш мир обозримый – расположена на необъятных четырех исполинского облика рыбах.

Если кто то из них шевельнётся под тяжкою ношей, если только вильнёт плавником или даже пером поведёт, то земля пошатнётся. И когда пошатнётся земля, затрясётся, то вздрогнут великие горы, посыпятся камни по склонам в распадки и закачается лес, как от ветра.

А Саяны, где жили, где нынче живут тофалары, трясёт постоянно – надо думать, то рыбы держат нашу землю устали. Наверное, хочется рыбам свалить эту ношу и свободно поплавать в океане времен.

О СВЯЩЕННОМ ОЗЕРЕ

На верховьях реки Мирючун, окружённое горной грядой, есть священное озеро духов. Ото всех оно прячется – люди не видали его никогда. Подойти подходили, но дальше вставали преграды.

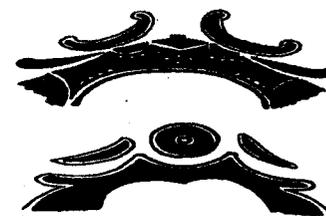
Как-то несколько смелых людей молодых собрались и направились вверх по ручью, что питался священной водою. Им хотелось возжечь духам озера чистый огонь, принести им обильные жертвы.

Вот оставили смелые люди оленей у самой подошвы горы и пешком поднялись по тропе.

Но вдруг тучи над этой горой собрались, в чистом небе гроза разразилась – гром ударил и молнии стали сверкать, норovia до незваных гостей дотянуться.

Люди бросились в бегство – бежали до самой долины, забыв обо всем, а не только о бедных оленях.

С той поры тофалары не ходят туда и другим не велят. Но всё ждут, что священное озеро духов их само призовет – знак подаст и откроет свою заповедную тайну.

КАРАГАССКИЕ СКАЗКИ

из собрания Н.Ф. КАТАНОВА

1. О ВОДЯНОМ ДУХЕ И РЫБАКЕ

Прежде был один водяной дух (соб. хозяин воды). Один человек налаживал сеть. «Зачем ты налаживаешь сеть?» — «Я налаживаю сеть для того, чтобы закинуть её и, вытащив водяного духа (дьявола), съесть его!»

Водяной дух, жалея свою рыбу, сказал: «Я не отдам, а попробую бороться!» Потом человек стал бороться с водяным духом; борясь, человек победил водяного духа, (так как) у водяного духа сила оказалась малая.

Водяной дух сказал: «Завтра я опять буду бороться!» Человек отвечал: «Ты не мог побороть меня! Завтра будешь бороться с моим младшим братом!» На другой день (человек) пришёл, заказавши своему младшему брату придти.

Младший брат его был дедушка* медведь, питавшийся там травой. Водяной дух шёл, подкрадываясь, чтобы бороться. Когда он шёл, дедушка ел траву. Придя, водяной дух сказал: «Хуг-хаг!» — и накинулся на медведя. Когда стали бороться, медведь поборол его. Водяной дух убежал.

На другой день утром водяной дух забросил свой кнут на облака. Человек, видя это, сказал: «А я заброшу талину!» Сказав это, он бросил талину** назад себя, а водяной дух этого не заметил.

Потом водяной дух сказал: «Теперь я не могу (бороться), (так как) вы — люди сильные! Я больше не способен! Вы, гор-

* Дедушка — медведь, по поверьям тофаларов, когда-то был человеком; одно из названий медведя «ире» — букв. дедушка.

** Талина — сиб. тальник, здесь: прут из тальника, дерева рода ивы.

ные жители, живите на своих горах, а я буду лежать в своей воде! Вы ловите свою рыбу и ешьте ее! Я не буду являться к вам и выходить из воды!»

2. ОБ УМНОЙ СЕСТРЕ И ЕЕ БРАТЕ

Был юноша, имевший старшую сестру. Был царь, по имени Улузун-хан. Младший брат пошёл к царю. Царь сказал ему: «Поди и узнай, сколько лет живёт заяц? Погоняй тех зайцев!»

Он пришёл и сказал своей старшей сестре. Сестра сказала: «Там на земле будет расти ягода. Ты стань около той ягоды и жди!» Когда он ждал, недолго спустя пришёл заяц. Заяц тот сказал: «Я никогда не ел столь сладкой вещи! Теперь я умру, проживши 63 года!» Юноша, услышав это, отправился к царю и сказал ему. Царь взглянул в книгу, желая узнать возраст зайца. Царь увидел, что возраст зайца 63 года; давешний человек сказал так же.

Царь опять сказал: «Теперь сходи и узнай возраст дедушки (медведя)!» Он пришел к своей старшей сестре, и она сшила ему 3 шапки. Старшая сестра сказала ему: «Есть такая-то гора! Ты походи к горе и, севши у подошвы ее, жди! Одну шапку надень себе на голову, а две остальные надень на колена! Потом ты сиди и покачивайся, когда дедушка станет подходить!»

Юноша отправился к горе, и дедушка пришёл. Дедушка сказал: «Я живу 78 лет, а трехголовую вещь еще не видал!» Услышав это, юноша отправился к своему царю. Когда царь посмотрел в книге, то оказалось так же, что года одинаковы.

Царь сказал: «Ты — молодец! Ты придёшь завтра и станешь обучать вороного жеребца с 9 стремёнами!» Когда он пришёл к своей старшей сестре, то эта приготовила ему 3 железных кнута.

Он отправился на другой день утром и, севши на девятистремянного жеребца, избил об него один кнут. Когда он уселся, конь сталь на дыбы и залягался. Он стал бить его остальными двумя кнутами и избил их. Конь сказал: «Ой!» — и давешний парень увидел под собою, вместо коня, царя.

Царь женил своего сына на старшей сестре юноши.

3. О ЧЕЛОВЕКЕ С КОРОВЬИМ НОСОМ

Были старик и старуха, имевшие единственную корову. Не было времени, чтобы они не имели молока. Корова та забегала, нуждаясь в самце. Корова забрюхатела. Через трое суток родился (от нее) человек с коровьим носом.

Родившись, этот парень отправился в путь. На одной степи он встретил юношу, расчёсывавшего свои волосы. Теперь они сошлись и пошли вдвоём. Когда они пришли на одну степь, на ней сидел один юноша. Теперь они пошли втроём. Стали они собирать в кучу деревья в течение трёх дней. Один из них выстрелил в кучу деревьев стрелою; он выстрелил, и деревья разлетелись.

Давешние (т. е. упомянутые давеча) 3 человека опять составляли кучу в течение 7 дней. Старший из них сказал: «Что выйдет, если я пушу стрелу в твёрдые деревья?» Старший из них опять выстрелил тою же стрелою вниз по земле.

Прошло три месяца, и он отправился искать выстреленную стрелу. Когда он пошёл, та стрела стояла у дымника одной юрты. Когда он заглянул в юрту, там сидели 3 девицы и чесали головы. Самого старшего из 3 юношей звали Тугулжу, среднего — Сарыг Тарба и самого младшего — Кок Тарба. Смотрели в юрту 3 человека, и 3 девицы не знали этого. Старшая из девиц сказала: «Я пошла бы за Тугулжу, желая сделать его своим мужем!»

Парни те не взяли девиц, а, взявши свою стрелу, пошли и стали охотиться; охотясь, убили зверя. Один из парней стал караулить мясо. Когда мясо лежало, пришла маленькая старуха. Та старуха сказала: «Я проголодалась!» Человек, карауливший мясо, отправился за водою. Старуха, укравши всё (мясо), ушла.

Пришёл и стал караулить Тугулжу. Старуха, укравшая давеча мясо, опять пришла и сказала: «Я проголодалась!» Он послал проголодавшуюся старуху за водою, пробивши дно посуды.

Та старуха пришла сердитая и сказала: «Ты свяжи меня!» Аркан у старухи был травяной. Затем старуха сказала: «Ударь меня по лбу молотком!» Молоток у нее был угольный. Когда

он ударил им, молоток разбился вдребезги. «Верти мне уши клещами!» — сказала она. Клещи у нее были деревянные; когда он стал вертеть ими, они раскололись.

Тугулжу связал старуху своею собственною верёвкою. Тугулжу ударил ту старуху по лбу железным молотком. Железными клещами он вывернул ей уши. Потом он пошёл по кровавым следам той старухи. Он выследил, что та старуха упала в выкопанную яму и умерла там. Тугулжу спустился туда по верёвке и остался лежать в яме (могиле).

Два его (товарища), желая взять 3 девиц, отправились и взяли их, когда Тугулжу заснул. Тугулжу лёг с тою старухою и заснул; спал он 3 месяца. Возле Тугулжу выросла берёза. Тугулжу вышел по этой берёзе наверх и отправился по следам своих товарищей.

Они взяли за себя 3 девиц. Придя, он убил тех двух товарищей камнем. Камень обагрился кровью. Тугулжу отправился теперь бить птиц. Три его жены сшили ему шубу из птичьих шкурок. К отцу и матери Тугулжу отправился один, надевши шубу из птичьих шкурок.

Желая посмотреть на него, отец прорезал юрту с одной стороны двери, а мать прорезала ножницами с другой стороны. Не зная, они зарезали Тугулжу. Увидели его и не узнали. Он оказался их сыном, имеющим коровий нос. Итак, они убили его.

4. О ЧЕЛОВЕКЕ И ВОЛКЕ

Был человек из земли, где не бывало убийств. Он был человеком, имевшим 7 соловых коней.

Отправившись, он переехал через 7 гор. Его 7 соловых коней задавил и съел волк.

В ту ночь выпал мелкий снег. Он отправился следить волка. Отправившись, он встретил на одной горе старуху, копавшую сарану*.

Спросивши у той старухи, он узнал, что на горе живут старик и старуха. У того старика и старухи была шкатулка, стоявшая в переднем углу.

* Сарана — сиб. лилия-саранка, корни ее съедобны.

Человек, следивший волка, сказал: «Я не возьму ничего, кроме шкатулки!» Взявши шкатулку, он положил её под голову и проспал три ночи,

Выспавшись, он проснулся и увидел утром рядом с собою богатую девуцу, которая и сделалась его женою.

5. О ПАРНЕ И ВЕДЬМЕ

Были старик и старуха, имевшие одного сына. Отец и сын отправились вниз по горе бить зверей. Старуха осталась дома, складывая вещи и желая откочевать.

Сошла ведьма (чель-пага), сидящая на луне, и захотела проглотить старуху. Старуха оставила на прежнем кочевье чашку своего сына. Ведьма села возле той чашки и стала ждать парня.

Парень возвратился к прежнему кочевью. Взявши свою чашку, парень побежал домой. Ведьма погналась за ним. Когда она погналась, парень залез на толстое дерево, испугавшись. Когда он сидел на том дереве, летела мимо птица, называемая «эзир» (орёл). Тот парень попросил орла: «Скажи моему отцу и моей матери, что я сижу здесь, на дереве!»

Орел полетел и передал отцу и матери об их сыне. Отец и мать закричали, и собралась многочисленная толпа. Многочисленная толпа отправилась к дереву и закричала.

Ведьма испугалась и улетела на луну. Парень сошёл и снова стал человеком.

6. О НАРОДЕ ХЮНДУМЕ И ШАМАНЕ

Вниз по этой реке (Б. Бирюса) жил народ, называемый хюндуме. Это был народ богатый.

С горы спустился неприятель, чтобы воевать с ним и отнять серебро у богачей. Когда должен был придти неприятель, в то время у народа хюндуме был один юноша, сильный шаман.

Этот шаман низвёл с неба град на народ, пришедший воевать, и перебил всех.

7. О НАРОДЕ ЧОГДУ И ШАМАНЕ

В тайге реки Кижихема жил народ, называемый чогду. Было у него 7 родных братьев. Самый младший из них был шаман.

Этот шаман ходил бить зверей и убил белого зверя (т. е. дикого оленя). Убивши белого зверя и едя его, шаман узнал: пришёл неприятель, желая убивать людей, и угнал с собою улус его (т. е. улус шамана). 7 родных братьев были убиты самим неприятелем.

Неприятель ушёл целый. В числе 7 братьев был убит и шаман. Имя неприятеля было Эрге. Эрге ушёл и стал охотиться на зверей. Когда он ушёл на охоту, пришли 2 человека из народа чогду и отняли свой улус. Два человека пришли и перебили весь (род? – А.П.) Эрге, а своё имущество взяли назад.

8. ОБ ОДНОМ ЖИРНОМ КОЛДУНЕ

Был один жирный человек по имени Сан-Таргын. Была та ведьма (чель-пага), которая ходила и ела людей. Он пошёл на берег реки и сидел там, охлаждая свой жир.

Когда он сидел на берегу той реки, принесло водою вниз по реке легкие с сердцем. Сан-Таргын взял их к себе, желая съест, и легкие превратились в человека. Таким образом, Сан-Таргын хотел съест себя самого.

«Жир мой – мягкий! Есть у меня младший брат, имеющий складной ножик! Зовут его Толжанай! Возьми у него складник и, отрезав у меня жиру, ешь!» – так заказывал Сан-Таргын ведьме. – «Ты не поднимешь моего складного ножика! Есть у меня младший брат, по имени Тергелитты! Возьми складник у него! Взявши складник, будешь есть мой жир!» – так отвечал ведьме младший брат Сан-Таргына.

Она пошла и пришла к Тергелитты в то время, когда он налаживал свою телегу. Тергелитты посадил ведьму на свою телегу; посадив, толкнул ее руками, и телега покатила. Телега катилась то по краю земли, то по краю воды.

Ведьма потеряла дорогу и не нашла жирного Таргына. Не нашла ведьма и складного ножика. Сан-Таргын (опять) стал человеком.

9. ОБ ОДНОЙ ПТИЧКЕ И ДВУХ ВОРАХ

Два человека ходили воровать. Была птичка, называемая «ожик». Один из воров сказал: «Пока не знает сама птичка, украдём у нее яйца!»

Гнездо находилось на дереве, а в гнезде были яйца.

Взобравшись на это дерево, он (один из воров) украл яйца. Мать не узнала о своих яйцах. Когда вор лез на дерево, товарищ подпорол ножом подошвы у сапогов вора, (так что) вор не знал этого. Что украдены яйца у ожика, этого не знала и сама птичка-мать.

Товарищ сказал, хвастаясь: «Вот так мы воры! Мы умеем и красть, и есть!»

10. О ЛЮДЯХ, УМЕВШИХ ПРИНИМАТЬ ВИД ЖИВОТНЫХ

Были 2 родных брата. Были также 3 человека, умевшие быть «кубулгатами» (т. е. принимать вид животных и человека). Старший брат сказал своему младшему брату: «Корми ты этих трех человек! Я поучусь у них быть кубулгатом!»

Учился он 3 года. Когда прошло 3 года, 3 кубулгата ушли домой, а 2 родные брата остались дома. Младший брат сказал старшему: «Превращайся!» Старший брат сделался вороном, но не мог ни летать, ни каркать. Младший брат научился быть кубулгатом и превратился в коня.

3 кубулгата говорили друг другу: «Тот, кого мы учили, не научился! Младшего брата мы не учили, а он научился!» Три кубулгата захотели съест младшего брата.

Так как они хотели убить его, то он (младший брат) убежал, чтобы скрыться под горою. Прибежал он к царю, жившему под горою. Человек, бежавший от 3 кубулгатов, сделался царским перстнем. Люди, желавшие съест его, прибежали в погоню.

Царь сказал 3 кубулгатам: «Я укушу перстень свой, а потом брошу его на землю! Он станет зерновым хлебом! Вы превратитесь в куриц и, клюя зёрна, съешьте хлеб!» Царь сказал это и оставил одно зерно у себя. Оставленное зерно стало человеком. Ставши человеком, он перерезал ножом шеи тем курицам.

11. ОБ ОДНОМ ПАРНЕ-СИРОТЕ И ДЬЯВОЛЕ

Был один осиротевший парень (юноша). Народ перестал обращать внимание на того парня. Парень тот лёг возле дороги. Когда он лежал, пришли 2 Аза (дьявола) и хотели съесть того парня. Они не съели его; взявши в товарищи, сделали его своим жоаком. Приставши к Аза, парень и сам сделался Аза.

Эти 3 Аза причинили болезнь дочери великого богатого человека. Черти (Аза) отняли счастье девицы и засунули его в маленький мешочек. Осиротевший парень пожелал посмотреть тот мешочек. Схвативши его, он побежал и забрался под колючкой шиповник*. Черти, будучи голы, не пожелали идти под колючий шиповник. Осиротевший парень скрылся из виду, и черти не нашли его.

Когда тот осиротевший парень пришёл в один улус, дочь богатого человека лежала и хворала. Того осиротевшего парня богатый человек просил, говоря: «Попробуй исцелить больного человека!». «Если люди нуждаются во мне, то я могу вылечить, могу и не вылечить!» – отвечал осиротевший человек. Богатый человек сказал: «Если ты вылечишь, то я эту девицу выдам за тебя замуж!»

Он развязал давешний мешочек; развязавши, высыпал возле девицы. Девица выздоровела. Осиротевший парень теперь взял ее себе замуж и увёз. Теперь он разбогател. Черти (Аза) ушли домой.

12. ОБ ОДНОМ МАЛЬЧИКЕ

Была одна женщина, жившая одинокою. Живя, она родила мальчика. Прошло 2 года, и мать у него умерла. Мальчик тот сосал грудь у умершей матери. Возле дверей его юрты был камень. Он, пососавши грудь, играл подле камня.

Когда он играл, пришло много добрых людей. Один из добрых людей попросил у мальчика камень; но мальчик не дал.

* **Колючий шиповник** – не только у тофаларов, но и у других сибирских тюрков существовало поверье, что Аза, появляясь среди людей без одежд, очень боялись всего колкого и режущего.

Добрые люди сказали своему товарищу: «Не проси у него камня! Через трое суток посмотри тот камень! Он будет расколот! Мальчик возьмет из середины его коралл!» Через трое суток двухлетний мальчик взял тот коралл.

Умершую мать свою он положил внутрь камня, из которого вынул большой коралл. Мальчик потом разбогател и уехал.

13. ОБ ОДНОМ ПАРНЕ И ВОДЯНОМ ДУХЕ

Была женщина, имевшая одного сына. Они жили на берегу одного озера. Парень ходил и ловил рыбу в озере. Из этого озера вышел обитатель его. Хозяин озера (дух) говорил так: «Я опять выйду наверх!»

Был один великий лама (священник). Лама, возмутив озеро, запутал в шёлковые нитки озёрного духа, предполагая сделать его своим товарищем. Парень тот, пожалевши озёрного духа, расколочил голову ламы молотком. Озёрного духа он выпутал из ниток.

Озёрный дух, отдавши шёлк парню, сам вошёл в своё озеро, говоря: «Теперь ты можешь всегда ловить рыбу!» Благословивши так парня, сам он вошёл в своё озеро.

14. ОБ ОХОТНИКЕ И ГОРНОМ ДУХЕ

Был один храбрый человек. В то время, когда не было ни зверя, ничего, тот человек ходил и (напрасно) искал зверей.

Раз он отправился на охоту и встретил человека, державшего изюбря за рога. Человек, державший изюбря, отдал изюбря храброму человеку и сказал: «Попробуй охотиться завтра утром!»

Когда (храбрый человек) отправился на другой день бить зверей, то на этой земле всякого зверя оказалось много. С тех пор стал охотиться всякий народ и начал шить шубы из шкур.

Раньше этого, когда не было шуб из звериных шкур, люди делали свои шубы из растительности. В пищу у всех употреблялся березовый гриб. Теперь народ туба (карагасский) ест грибы, посоливши их.

15. О ПЛЕЧНОЙ ЛОПАТКЕ

Была плечная лопатка, выброшенная людьми. Худой человек нашёл её. Тот худой человек пошёл по дороге, ведущей в улус. Увидел он, что стоит улус, ударил он себя рукою по носу, и из носа потекла кровь. Он чихнул на ту лопатку, и лопатка покрылась как бы мясом.

Пришёл он в улус. Кипел один котёл. «Я сварю и поем свою лопатку! Котёл ваш не украдёт моего мяса?» – «Не украдет!» – отвечали ему. Когда он посмотрел, его лопатка сварилась и сделалась голою костью.

Худой человек заплакал, говоря: «Ваш котёл съел моё мясо!» Хозяин котла поймал коня и отдал его худому человеку. Конь был с изувеченною спиною. Севши верхом, он припустил своего коня.

От мороза умерла одна женщина. Он поднял женщину; поднявши, владелец коня с изувеченною спиною обнял её, как жену, и поехал. Стоял улус. По близости ходили девицы. Он крикнул им: «Не пугайте моего коня, моя жена – больная!» Одна девица пугнула. Конь стал на дыбы и залягался так, что замёрзшую женщину сбросил на дерево.

Худой человек отправился к отцу девицы и заплакал, говоря: «Твоя дочь убила мою жену!» – «Не плачь, – ты возьми дочь замуж!» – отвечал отец. Потом он дал 9 баранов и свою дочь замуж. Тот человек построил себе юрту и прижил ребёнка. Развалившись, сам качал ребёнка своего, а жена искала на улице дров. Человек, качавший ребёнка, запел:

«Голая плечная лопатка
Довела до изувеченного коня!
Изувеченный конь
Довел до замёрзшей женщины!
Замёрзшая женщина
Довела до живой женщины!
Живая женщина
Довела до песни песен!»

Потом муж закололся о трубочную копалку и умер.

16. О СТАРИКЕ И ЕГО ДОЧЕРИ

Прежде в одной земле жил старик, имевший одну дочь. Царь сказал тому старику: «Поди и узнай возраст медведя!» Старик тот, придя к себе домой, сел и заплакал, говоря: «Царь говорит так-то!» Дочь его шила шапки. Она надела две шапки на плечи, а одну шапку надела на голову и сказала: «Отправляйся на дорогу дедушки (медведя)!»

Старик пошел и сел. Когда он сидел, пришёл дедушка; придя, он посмотрел. «Я прожил 88 лет – сказал дедушка, – а трёхголового существа не видывал!» Сказавши это, дедушка ушёл.

Старик тот отправился к царю; придя, сказал ему: «Я спросил, и медведь сказал, что имеет 88 лет!» – «Теперь сходи и узнай возраст зайца!» – сказал царь. Старик пришёл к себе домой и, заплакавши, сел. «Царь говорит так-то, чтобы я узнал возраст зайца!» – сказал он своей дочери. Дочь пришла, собравши ягоды, и сказала: «Возьми ягоды сарсапарейля, растущего на гальке, и положи ее на дорогу зайца!» – сказала она. – Положивши ее, ты сядь и жди!»

Старик пошел туда и, положив ягоды на дорогу зайца, стал поджидать. Пришёл заяц и съел ту ягоду. «Я прожил 66 годов, а такой сладкой вещи никогда не ел!» – сказал заяц и ушел.

Старик пошел (к царю) и передал, говоря: «Он (заяц) говорит, что имеет столько-то лет!» – «Есть что-то у старика дома! Я пойду и посмотрю!» – сказал царь и, севши на коня, поехал.

Приехал он к юрте того старика. Старикова дочь сидела в своей юрте и сучила воловьши жилы (для шитья обуви). Царь вошел в юрту и сказал девице: «Ты, вероятно, думаешь о том, сколько раз вила жилы?»

Тогда девица отвечала ему: «А вы, вероятно, думаете о том, сколько раз ступал ваш конь от дому досюда?»

17. О ЗОЛОТЕ

Был на земле Бог (Пурхан). В то время лежало в одной земле много золота. У того Бога был товарищ.

Товарищ сказал Ему: «Есть один осиротевший парень. Дадим золото осиротевшему парню!» Так говорил Богу Его товарищ.

Потом Бог сказал: «Если мы дадим золото осиротевшему парню (т. е. бедному человеку), то придет богатый человек и отнимет у него. Пусть возьмёт (золото) счастливый человек, если встретит его!»

Сказавши это, Бог взял золото тремя горстями и бросил его под 3 земли*. Он бросил золото, сказавши так: «Если осиротевший человек (т. е. бедный) будет счастлив, то встретит его!»

18. О 3 ДЕВИЦАХ И ЗЛАТОГРУДЫХ ПАРНЯХ

В прежнее время был (на земле) Бог. Когда он был (на земле), тогда в одном месте жили 3 девицы. «Я желал бы жениться на одной из тех трёх девиц!» – сказал Бог и спросил у одной: «Ты что знаешь?» – сказал Он. Та отвечала: «Я умею обращаться с хлебом и испечь столько, что останется его один уголь, если придут есть (его) 300 солдат!» У другой Он спросил: «Ты что знаешь?» – «Я выращу 99 осин!» – отвечала она. У третьей Он спросил: «Ты что знаешь?» – сказал Он. – «Я рожу 3 парней! – отвечала она. – Двое из них будут иметь золотые груди, а один – человеческую грудь!» – отвечала та (третья) девица. «Если так, то я желаю жениться на тебе!» – сказал Бог. «Да будет так!» – сказал Он.

Потом Бог взял одну девицу замуж за себя. Затем он стал жить (с нею). Жена потолстела, и приблизилось время родить ребенка. «Когда я в отсутствии, то пусть (ребенок) родится, не следует мужчине видеть (рождение) чужих детей», – сказал Бог и ушёл; отправившись, Он ходил.

* Примечание Н.Ф. Катанова: «Под «3 землями» в этой сказке надо разуметь 3 слоя земли, лежащие над золотоносной почвою: тундру (сверху), ил и речной камень».

Через долгое время пришёл Он в свою юрту, говоря, что ребёнок Его, вероятно, родился. — Была одна старая женщина. Он спросил у той старухи: «Вероятно, наш ребёнок родился?» — «Родился!» — отвечала старуха. Потом Бог сказал: «Я желал бы посмотреть (ребёнка)!» Старуха отвечала: «Это — вещь, которой Тебе нельзя смотреть!» — «Хотя и так, я желаю посмотреть!» — сказал Бог. Той старухе Он сказал: «Принеси ребёнка!» Старуха принесла. Отправившись принести (ребёнка), она принесла собачьего щенка. Бог щелкнул его в голову, и голова отлетела прочь.

Потом Он опять стал жить. Во второй раз жена Его потолстела. Наступило время родить ребёнка. Опять Бог отправился; отправившись, Он сходил. Пришёл Он опять к старой женщине и спросил у нее: «Сын наш, вероятно, родился?» — «Родился!» — отвечала она. — «Я желал бы посмотреть (ребёнка)!» — сказал Он, — «Это — вещь, которой Тебе нельзя смотреть!» — сказала старуха. — «Хотя и так, Я желал бы посмотреть!» — сказал Он. — Как бы то ни было, он — мое семя! принеси (его)!» Старуха принесла собачьего щенка. Он опять щелкнул его в голову, и голова отлетела прочь.

Потом Он опять стал жить. Когда Он пожил, жена его потолстела в третий раз. Потом Бог опять отправился; отправившись, Он сходил. У старой женщины Он спросил: «Ребёнок наш, вероятно, родился?» — «Родился!» — отвечала старая женщина. Она принесла ребёнка, (который) был парнем, имеющим человеческую грудь. «Эта женщина предсказывала, что родит 3 парней! Я выброшу эту женщину с сыном, убивши её!» — сказал Бог и, взявши коровью шкуру, Он положил свою жену в неё и, зашивши её вместе с сыном-человеком, бросил (их) в море. Щенят он убил раньше.

Та выброшенная женщина запихала себе за пазуху одну книгу Священного Писания (ном) и один складной ножик. Та женщина со своим сыном должна была побыть в море. Бывши там, она сняла своё Священное Писание (Книгу Судеб — А.Л.) и дала его своему сыну; сын посмотрел и сказал: «Кажется, день еще существует, существует еще и ночь!» Потом женщина сказала: «Нет, еще раньше твой отец убил их (день и ночь)!» — «Нет,

еще есть!» — сказал сын. Потом он проткнул своим складником насквозь (шкуру — А.Л.). Когда он посмотрел, они повисли на берегу моря. Потом они вышли на землю.

Когда они вышли и ходили, выросла свежая трава, кукушкины слёзки (в Минусинском окр.: кукушкины сапожки, в Канском округе: кукушкины слёзки, у Карагасов: кукушкины ноги — «хек пуду»). Из этой травы она сшила своему сыну шапку. Сын отправился играть. Сын потом пришёл и сказал: «Там ходит человек, (который) просит у меня шапку! Дать ли мне её?» — «Дай, дай!» — сказала мать. Потом сын подал свою шапку тому человеку. Затем тот человек дал парню один топор, одну железную палку и один мешок: «Этому топору ты скажешь: «Сейчас же строй юрту!» Той железной палке скажешь, когда придут 300 солдат: «Быстрая моя палка!» — и она не даст тебя убить. Тому топору ты скажешь: «Сейчас же строй амбар!» Внутри амбара ты пихнёшь мешок и встряхнёшь его. Тогда будет всё, что ест человек!» — сказал он.

Затем тот парень вернулся к своей матери, взявши свой топор, палку и мешок. Потом он сказал топору: «Сейчас же строй юрту!» Топор взял и стал рубить, и юрта построилась. «Сейчас же строй амбар!» — сказал он. Тот топор снова зарубил, и амбар построился. Затем он пихнул свой мешок в амбар и встряхнул его. Явилось всё, что нужно есть человеку. Тот парень взял и посмотрел в своем Священном Писании. «В одном месте есть, кажется, у меня 2 старших брата! — сказал тот парень своей матери. — Ты приготовь, чего бы поесть! дай своего молока!»

Потом тот парень отправился, севши верхом на свою палку, (которая) превратилась в коня. Отправился он в одну землю; поехавши, он встретил в одной юрте двух парней, имевших золотые груди. «Это — мои старшие братья!» — сказал он и сел. Когда он сидел, вошёл великан, (который) всех зверей навесил себе на пояс. Пришёл он и, нарезавши тех зверей, сделал из их мяса шашлык. Потом он съел всё. «Теперь я наелся!» — сказал он. — Сейчас хочу съесть этого парня!» А парень сказал: «Быстрая моя палка!» Та палка ударила великана и рассекла его надвое.

«Быстрая моя палка, я желал бы взять с собою этих двух парней!» – сказал он. Та палка посадила на себя двух парней. Теперь они, три парня, вернулись в свою юрту. Приехавши, наелись. Мать прибавила к кушанью своего молока. Съевши его, те парни сели. Мать стала человеком, дающим (им всегда) молоко.

Давешняя старая женщина спрятала этих двух златогрудых парней и отдала их другому человеку; спрятавши, вместо них показывала Богу собачьих щенят.

19. О ПРОИСХОЖДЕНИИ МЕДВЕДЯ

Дедушка (медведь) был прежде человеком, имевшим младшего брата. Оба брата владели массаами озёр, происшедших от одного большого озера. Они (братья) рассорились. Младший брат стал туба (карагасом) кости Чогду, а старший брат стал дедушкой (медведем).

20. О БОГЕ И ДЬЯВОЛЕ

В древнее время, когда надо было сотворить землю, Бог (Пурхан) ходил и творил землю. Бог сам ходил в белой шубе, а царь чертей (Аза) был в чёрной шубе. Дьявол попросил у Бога землю. Бог не хотел давать. Бог дал клочок той земли, в которую была воткнута трость. Оттуда, где была воткнута трость, выползла змея, и Бог осердился на Дьявола. Бог погнался за Дьяволом, желая убить его. Дьявол пошел и, вошедши в море, превратился в мулявок (мелких рыбешек). Бог превратился в тайменя и стал есть мулявок. Когда осталась одна мулявка, Бог погнался за нею. Когда (Бог) погнался, Дьявол побежал и, превратившись в ржаные зёрна, просыпался. Бог сделался курицею и стал собирать те зёрна. Одно зерно поднялось на небо и превратилось в ведьму (чель-пага). Бог, поднявшись на небо, ударил ведьму колокольцем и пересек ей горло. Ведьма спряталась за солнце. Луна сказала Богу: «Ведьма отправилась и спряталась за солнцем». Луна затмилась и стала жаловаться Богу на ведьму, говоря: «Ведьма вон тут!» Ведьма бросила Бога и, бросивши, вернулась. Когда Бог пришёл на землю, один

человек пахал землю. Бог сказал: «Когда поспеет этот хлеб, ты придёшь и срежешь! Когда будешь резать (жать), то после меня придёт худой человек!» – сказал (Бог). «Когда он придёт, ты скажешь, говоря: «Бог проходил мимо в прошлом году, когда я пахал эту землю». Ведьма бросила (преследовать) Бога, говоря, что это не догонит его. – Теперь ведьма находится на луне. Иногда из-за нее затмевается луна.

Рассказчик сказал далее: «Эту сказку я слышал от отца своего Чартымая. Он умер 14 лет тому назад. Был он хороший сказочник!»

21. О СОТВОРЕНИИ МИРА.

Ранее всего было сотворено время. Огонь съел эту землю и опустошил всю. Бог (Пурхан) сотворил реки, горы и скалы. Тогда скалы не раскальвались и не разламывались. После того поднялась сильная буря, и скалы все раскололись и разломались.

22. О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОДОВ ЧОГДУ, ЧЕПТЕЙ И КАШ

Место, где нашлись и откуда вышли карагасы кости Чогду, было у реки Обуге, находящейся возле казарм (бывшего Удинского форпоста). Было там 3 брата. Один из братьев сделался карагасом кости Кара Чогду, другой – кости Чогду, а третьей – дедушкой (медведем). Живя так, дедушка плёл сеть. Осердившись, (дедушка) бросил свою сеть на дерево. Потом, ставши зверем и ушедши, он расстался. Затем те братья стали жить. Теперь одни из их (потомства) – Чогду, а другие – Кара Чогду.

О кости Чептей я слышал, что она пришла из земли народа адай (монголов), убежавши. Прежде того были здесь люди кости Чептей, по фамилии Анзыккы. Чептей – кость пришла, убежавши, и стала младшим братом.

Кость Сарыг Каш находилась на реке Тэрий (Гутара). Они и теперь живут на той же земле.

Место, откуда пришла кость Каш, находится у озера Эргелиг, живущих выше верховьев реки Уды (на юге).

23. СКАЗКА О ПОДЗЕМНОМ МИРЕ

На земле жили 2 человека. В земле было отверстие. Они спустились в это отверстие вдвоём. Когда они отправились, им встретились странники. Они так же, как и здешние люди, имеют скот и юрты.

Отправившись дальше, они сами стали людьми невидимыми для глаз. Когда они гладили (подземных обитателей), то тамошние люди начали хворать. Те 2 человека украли и съели корову. Одна девица сказала: «Моя корова пропала!» – и, плача-плача, пошла. Желая сделать её женою, люди, отправившиеся отсюда, погладили её. Тамошние люди сказали: «Наша дочь захворала!» У тамошних людей был свой шаман. Они привезли его и заставили шаманить. Тот шаман стал шаманить, посмотревши в сторону, и вступил в разговор с этими двумя человеками: «Какой земли вы люди?» – «Мы люди Белого Царя, живущие на верху земли! Войдя сюда вниз по отверстию, мы не нашли обратного пути!» Тот шаман сказал: «Идите вслед за мною, – я приведу вас к вашей земле». Потом, взявши их, он отправился. Пришедши, он показал им начало отверстия. Те люди увидели, что прошло 3 года. Пришли они на эту землю.

24. О БОГАТЫРЕ И 2 ЗМЕЯХ

На земле был богатырь, которого нельзя было вовсе застрелить из ружья. Он ходил на земле и стрелял зверей, а по ночам спал.

Потом (раз) он разжигал огонь и увидел, что лежит что-то синее и большое; это был змей. Человек сказал про себя: «Вот место нашей смерти!» Потом змей сказал: «Я пришёл к тебе – богатырю, которого нельзя застрелить! Жену мою отнял ее любовник, другой змей! Я не мог победить его и пришёл к тебе! Мы придём вдвоём и станем драться! Я – синий, а товарищ мой будет жёлтый! Когда я потом лягу, ты выстрелишь моему товарищу в лоб. Когда ты попадёшь как раз, я наступлю на своего товарища! Садись верхом на меня!» – сказал змей.

Тот человек сел ему на спину, и они отправились. Приехали они, и змей сказал: «Сядь здесь!» Тот человек сел.

Пришли 2 змея; когда они пришли, то, бывший под ним, был синий, а другой – жёлтый. Он выстрелил жёлтому змею как раз в середину лба. Синий змей победил жёлтого змея, три раза обвивши его. Победивши, синий змей взял свою жену и отдал стрелявшему человеку что-то белое изо лба жёлтого змея.

Тот человек взял белое вещество и пошёл (домой). Он зажил хорошо: богачом и никогда не хворающим. «Когда ты так поживёшь, сказал (синий змеей), в люльке будет лежать девочка! Она сделается твоею женою». Тот человек жил-жил, и девочка выросла. Он женился на ней и стал богачом.

25. О ЧЕЛОВЕКЕ И ЗМЕЕ

Один человек ходил по дороге. Потом на дороге лежала маленькая змея. «Обходя землю, я не видал только такой маленькой штуки!» – сказал он и ударил ту маленькую змею кнутом своего коня. Когда он ударил, змея сделалась больше. Он ударил еще во второй раз – стала еще больше. Он ударил в третий раз, – стала весьма большою.

Когда он потом отправился, змея погналась за ним. Тот человек приехал в деревню (ал) и сказал, говоря: «Такая-то штука гонится за мною!» В той деревне был священник (лама). «За мною гонится такая-то штука!» – сказал он священнику. Священник стал читать «Ном» (Св. Писание), закрывши того человека чугунною чашею.

Когда он так стоял, открылась дверь, и вошла змея. Вошедши, она легла у ног того человека. Священник читал «Ном». Змея полежала и вышла. Когда она вышла, (священник) взял и посмотрел своего человека. Он увидел, что остались одни кости, (так как) змея высосала всё.

26. О БУРЯТСКОМ ЦАРЕ

В древнее время сотворены были люди. Была одна старуха, имеющая от роду 70 лет. Во сне та старуха спала с человеком и забрюхатела. Она засовестилась и потом родила ребёнка.

Когда он родился, она отнесла его в коровий двор и закопала, сказавши: «Пусть люди не видят, а коровы съедят!» Сказавши так, она спрятала.

Когда пришли доить корову, тот ребёнок сосал корову. Туда и сюда рассказывали о ребёнке, говоря: «Такой-то человек сосёт корову!» Один бурят поймал того ребёнка. Тот стал расти не по дням и не по годам, а по часам.

Раньше этого был царь у русских. Архиереи читали «Ном» (Св. Писание). Один из них сказал в церкви: «Тот, кому быть царём, плачет!» Большинство из них не знали, знал один архиерей. Тот мальчик был в козлиной шубе и шапке с наушниками. Когда сидел тот мальчик, пришёл конь с серебряною уздой, запряжённый в сани. Тот юноша сел на сани, и конь помчался рысью. Тот конь прибыл туда, где надо (юноше) воцариться.

Когда юноша вошёл в «Божий дом» (церковь), потухли все свечи. «Зачем потухли свечи?» – сказал тот юноша, и свечи снова зажглись. Тот архиерей сказал прочим архиереям: «Вот наш царь, который должен воцариться!» Тот царь был бурятской кости. Он взял находившуюся в этой земле свою мать, вызвавши к себе.

Поэтому-то не стали брать в солдаты бурят. «Вот значение сказки!» – говорят старики.

27. О ДЬЯВОЛЕ И БОГЕ

Дьявол и Бог ходили вдвоём. Дьявол сказал: «Дай мне всю землю!» Бог отвечал: «Не дам!» Дьявол сказал: «Дай половину земли!» Бог отвечал: «Не дам!» Дьявол сказал: «Дай хотя четверть земли!» – «Не дам!» – отвечал Бог. «Дай хотя восьмушку земли!» – сказал Дьявол. – «Не дам!» – отвечал Бог. Дьявол сказал Богу: «Дай земли столько, сколько займёт моя трость!» Бог дал (земли) место трости.

Потом Дьявол стал колупать тростью, и выползли змеи и лягушка. Бог почувствовал отвращение и поднялся на высшее небо. Когда выползли змея и лягушка, Дьявол и Бог стали гоняться друг за другом. Бог убежал от Дьявола, зайдя за солнце. Бог спрятался. Дьявол пошёл и спросил у луны. Луна

сказала: «Я не видала!» Тот Дьявол, превратившись в ведьму (чулан-пага, чель-бага), сожрал луну. Бог ударил колокольцем по горлу ведьмы, и луна вышла из чрева ведьмы.

Смысл этой сказки: Бог ударил по горлу ведьмы потому, что она затмила луну. Когда случается лунное затмение, то наш народ туба (карагасский) стреляет вверх, по направлению к небу, чтобы помочь луне.

28. СКАЗКА О ЛЮДЯХ С КОНСКИМИ КОПЫТАМИ, О ВЕЧНЫХ ЛЮДЯХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

В прежнее время ходил по краю этой земли один человек. Шёл он вниз по дороге. Когда он шёл, встретились ему люди. Эти люди имели конские копыта. Они стали угощать этого человека. Они закололи свою дочь, чтобы покормить того человека. Убивши, сварили. Тот человек сказал так: «Я выйду на улицу и обойду эту юрту! Придя оттуда, буду есть!»

Тот человек вышел из юрты и, перерезав чумбур (повод – А.П.) своей лошади, оседлал ее и сел на нее верхом. Убегая оттуда, он поехал рысью.

Люди с конскими копытами побежали вслед за тем человеком и погнались, вооружённые железными крюками. Когда они стали нагонять, тот человек перескочил через болото. Люди с конскими копытами отстали, завязши в болоте. Тот человек убежал, скрываясь (от преследующих); потом он пошёл по дороге.

Когда он шёл по одной земле, стоял оседланный заяц. Тут был народ вылезший из под земли, народ вечный, едущий на зайцах. «Мы охотимся на зверей!» – сказал он тому человеку. Соболь (алды) поймал одного из вечного народа и перегрыз ему шею. Потом он сказал: «Убей нам того соболя!» Затем тот человек убил соболя. Когда он убил, тогда вечный народ разделил между собою соболя. «Ты, убив нам соболя, сделал хорошо!» – сказал (вечный народ). – Чем мы окажем тебе добро? Ты возвратись в свою юрту! Мы принесём и толкнём к тебе живой (соб. вечной) воды!»

Тот человек потом вернулся домой и, пришедши к своему народу, сказал: «В такой-то земле я видел таких-то людей! Они

придут в такое-то число месяца и принесут вечной воды для питья!» Женщины стали рубить дрова, поджидая имеющих придти вечных людей. Те женщины увидели, как едет маленький вечный народ, сидя на зайцах. Женщины захохотали, говоря: «Каков скот их! Каковы они сами!»

Потом вечный народ осердился; осердившись, вечный народ не дал давешнему человеку вечной воды, а выплеснул её на деревья: кедр, ель и сосну. Потом сами они вернулись.

Те 3 дерева стали все иметь листья круглый год. Если бы не захохотали те женщины, то не умирали бы и люди.

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ из собрания В.И. РАССАДИНА

ТРИ МАРАЛУХИ

Давным-давно человек жил и кормился охотой. В то далекое время человек был очень быстрым. Почему он был быстрым? В то время у него были колени, как у зверей. Две ноги человека были похожими на две задние ноги четвероногого существа. Поэтому человек был быстрым. Человек был тогда со звериными ногами. Когда он гнался, ни один зверь не мог от него убежать. Любого зверя он догонял на бегу, убивал и съедал. Человек не упускал ничего, что годилось в пищу. Чересчур много он извел пищи — зверей. Бурхан это увидел. Поймав человека, он отрезал его звериные колени. Сделал его ноги подобными двум передним ногам четвероногих. Человек теперь никого не мог догнать.

После этого человек придумал вот что. Он вырастил собаку для охоты. С собакой стал охотиться по насту. Сам он не мог далеко ходить. Тогда вырастил лошадь. На быстром коне, с добрыми собаками он опять не пропускал ничего живого. Бурхан увидел это. Однажды человек пустил двух собак за тремя маралухами. Бурхан это тоже увидел. Трёх маралух и двух собак он вознёс на небо. После этого три маралухи и две собаки оказались на небесном дне*.

Тот человек не мог найти своих собак. Когда он, сев на своего коня, ездил и искал собак, его собаки, вознесясь, облаивали на небе трёх маралух. Тот человек, сев на своего коня, тоже вознёсся. Когда он потом осмотрелся,

* Небесное дно — по традиционным понятиям тофов, как и других народов Центральной Азии и Южной Сибири, небесный свод представляет собой сферу, опрокинутую над землёй наподобие чаши.

две собаки облаивали трёх маралух. Привязав своего коня, он пошёл и выстрелил в среднюю маралуху. Пуля попала, пробила зверя и улетела. Между тем бурхан все это увидел. Он забрал того человека вместе с его конём, ружьём и выстреленной пулей. После этого три маралухи*, две собаки, один конь, один человек, одна пуля превратились в звёзды и остались на небе. Так рассказывают тофы в своих преданьях.

ЧЁРТОВ КУСТАРНИК

Однажды, в сказочное время, обратились все лесные звери к Бурхану с жалобой на человека. Суть жалобы была в том, что человек со своим луком и стрелами убивал всех зверей подряд, никого не щадя. Скоро придёт время, когда зверей совсем не останется. От стрел человека зверям спрятаться негде: даже в лесу везде открыто. Нет ни багульника, ни таволги, никаких-либо других кустарников. Всё видно.

Когда звери пришли с жалобой, многие из них были ранены, некоторые тяжело, и из их тел торчали наконечники стрел. Бурхан выслушал зверей, немного подумал и сказал: — Я уже сотворил землю, вас всех и всё, что есть на земле. Теперь я не могу ничего ни прибавить, ни убавить. Могу только вылечить всех вас. А со своей просьбой сделать вам укрытие от человека и его стрел лучше идите к Аза-хану**. Он мастер налаживать разные тайники и устраивать козни человеку. А теперь все здоровые из вас пусть идут и ищут Аза-хана, а все раненные пусть идут сюда ко мне, я всех вас буду лечить.

Узнав решение Бурхана, все раненные звери пошли к нему лечиться, а все здоровые отправились искать Аза-хана. Но его долго искать не пришлось — он тут как тут. Рассказали звери ему о своей обиде на человека и о решении Бурхана. Обрадо-

* Три маралухи (тоф. — «Уш мыйгак») — тофаларское название созвездия Ориона. — *Примеч. В.И. Рассадина.*

** Аза-хан («Аза́» — злой дух, вредящий людям; по своему характеру и функции сходен с русским чертом) — предводитель злых духов, иногда владыка Нижнего мира — *А.П.*

вался Аза-хан, что есть возможность еще раз досадить человеку, и сказал зверям так:

— Вот вам семена ольхи и вот вам семена багульника. Я положу их на ваши спины, а вы бегайте по горам, по лесам и рассыпайте их. Только семена ольхи сейте на северных склонах гор, а можно и по берегам рек, так как она любит тень и влагу. Семена же багульника — по южным склонам, особенно по крутякам. Из этих семян вырастут густые-прегустые заросли кустарников, в которых вы сможете хорошо прятаться. Человеку будет невозможно пролезть сквозь них, а тем более убить вас там стрелами.

Выслушали звери Аза-хана, поблагодарили и разбежались в разные стороны, неся на своих спинах семена ольхи и багульника. Рассеяли они их везде, где пробегали, и выросли по горам густые-прегустые заросли кустарников ольхи и багульника. Северные склоны гор покрылись ольхой, а южные — багульником. Все крутые склоны заросли багульником и стали вовсе непроходимыми.

Теперь, когда охотники-тофы выходили охотиться, зверям было, где спрятаться. Особенно полюбил заросли ольховника соболь. Здесь он в основном и сейчас обитает. Охотники же проклинали ольховые заросли и стали называть их «чертовы кусты».

СЕМЬ КРОВЕЙ

Давно, очень давно, в стародавние времена жили на земле семь девушек. Жили они себе жили, и никакого прибавления у них не было. Посмотрели они через несколько лет, а их все так же семеро. Тогда, сказывают люди, попросили они помощи у бурхана.

И вот однажды пришёл бурхан:

— Ну, как вы тут нынче живёте?

— А так и живём. И не нашли ничего, и не разбогатели*.

По-прежнему так и живём всемером, — сказали они.

* И не нашли ничего, и не разбогатели... — иносказательное выражение, означающее здесь, что эти девушки никого не родили, то есть численно они не увеличились.

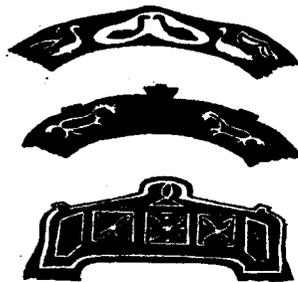
Эти семь девушек были людьми семи родов. Тогда бурхан сказал:

— Ну, я сделаю по-другому! Куда вы теперь отправитесь?

— Мы вознесёмся на небо, — ответили девушки.

— Отправляйтесь и станьте звёздами! Станьте семью звёздами! — сказал бурхан.

После этого те семь девушек превратились в звёзды. Люди теперь называют те звезды «Семь кровей»*. Когда тот народ здесь жил, как рассказывают, ничего хорошего не видел. Потом об этом прознал бурхан. Вместо тех девушек он поселил других людей. Поселил женщин, мужчин, создав их с сыновьями и дочерьми. Рассказывают, что люди после этого думают так: «Самыми первыми людьми, которые были сотворены на земле, были те «Семь кровей».

* *Семь кровей* (тоф. «Чеди-ган») — название созвездия Большой Медведицы. Примеч. В.И. Рассадина.

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ из собрания Р.А. ШЕРХУНАЕВА

ЛЕГЕНДА О БУРХАНЕ

В прежние времена жили бог Бурхан* и дьявол Аза**.

Они враждовали между собой, друг к другу зло питали, ссорились да бранились, друг друга попрекали. Аза на Бурхана зверем глядел, прятался от дел, а Бурхан терпеть не мог Азу.

Жить бы им так долго ни лучше, ни хуже. Но вот од нажды задумался бог: как бы ему дьявола со света сжить. Думал он думал и решил, что одному ему с нечистым не справиться. Надо сделать себе помощников.

И вот Бурхан сделал землю, она вышла гладкой и ровной, как выделанная шкура лося. Взмахнул Бурхан левой рукой — на земле деревья выросли, поля покрылись травой, побежали реки и ручейки. Взмахнул он правой рукой — реки наполнились рыбой, а в полях и лесах разные звери появились.

Спускался Бурхан с облаков на землю и любовался своим творением. Но все звери были бессловесными и, увидев бога, убегали прочь в глубь леса. Понял Бурхан, что из этих зверей помощников ему не будет.

Тогда выбрал он из звериного стада семьдесят семь медведей и решил из них сделать людей, себе подобных. А эти медведи были с разной шерстью: черной, бурой, белой.

Взял Бурхан скребок и начал с медведей шерсть счищать. Долго возился, а чтобы удобно было ему работать, он одной рукой медведя за голову держал, а другой скоблил шерсть.

* **Бурхан** (в тофаларской огласовке — «Пуркан») — верховное небесное божество, бог-вседержитель; заимствован, скорее всего, из бурятского пантеона.

** **Аза** — здесь антипод Бурхана; а в мифологии и верованиях других сибирских тюрков — всего лишь выходец из Нижнего мира, злой дух, подчинённый Эрлик-хану, верховному божеству подземного мира мёртвых душ, а также злых духов, враждебных человеку. Культы Пурхана и Аза особенно характерны для тюрков Южной Сибири: хакасов, тувинцев. «Аза» не склоняется — *А.П.*

Появились на земле первые люди. Они были подобны богу, были белые, черные и желтые, а на голове, за которую держался Бурхан во время работы, у каждого из них остались волосы.

Собрал Бурхан этих людей вместе, наделил их речью человеческой и повелел им за три дня из кусочков камней гору большую вылепить.

И семьдесят семь человек разом взялись за работу. За три дня они вылепили огромную гору, вершина ее уходила к облакам. Посмотрел бог на работу людей и доволен остался. Назвал он эту гору Ыдык-Таг.*

Заманил Бурхан на гору Азу и начали они бороться. Долго бились бог и дьявол, а люди смотрели, как они гнут и мотают друг друга. А когда Аза хотел хитростью взять верх и сбросить Бурхана с горы, один из людей, высокий и сильный мужчина, поспешил на помощь богу. Он придавил к камню дьявола, а потом сбросил его с высокой горы Ыдык-Таг.

Обрадовался Бурхан, что победил злого дьявола. Защитника своего назвал Даг-Ээзы** и назначил его хозяином гор.

Все семьдесят семь человек жили вместе. Жили дружно и согласно. Одни из них ходили на охоту, рыбу ловили, другим же нравилось скот разводить, а третьи любили в земле копать, хлеб выращивать.

Видит Бурхан, что одним нравится одно, а другим другое. Разделил он людей на группы по цвету и позволил им заниматься тем, чем они сами пожелают.

Одни люди землю пахали, хлеб выращивали — это были первые русские люди. Другие люди скот разводили — это были первые буряты, а третьи зверя промышляли — это были первые тофалары.

Остались жить тофалары около горы Ыдык-Таг, поклонялись хозяину гор Даг-Ээзы. Даг-Ээзы, добрый дух, всегда помогал и служил человеку, так как сам произошел от людей. Все тофалары просили у него удачной охоты, а в жертву ему оленя приносили.

* Ыдык-Таг — букв. священная гора, («ыдык», у хакасов: «ызык», — жертвенное животное (олень, конь, бык, баран), живым посвященное богам и отпущенное на волю, обычно отмеченное особыми знаками божественной принадлежности.

** Даг-Ээзы (букв. Хозяин горы) — могущественное божество, культ которого имеется почти у всех сибирских аборигенов.

Приложения

ТОФАЛАРСКИЙ ФОЛЬКЛОР в литературной обработке

ТРИ ВЕЛИКАНА

В прежние времена жили на земле три брата великана. Они были громадные, как горы. И глупые. Ничего не жалели, что встречалось на их пути: деревья ломали, зверей давили, птицам шеи свёртывали.

Однажды самый старший, самый сильный великан шёл по тайге и встретил человека верхом на лошади. А человек этот был непростой. Это был бурхан. Пошли вместе. Наступил вечер, стали они табор налаживать.

— Принеси вон ту лиственницу! — и великан показал бурхану на огромное дерево.

Обвязал бурхан арканом лиственницу, потянул. Она даже не шелохнулась.

Захотел великан, одной рукой вырвал дерево с корнем и бросил в костёр. А костёр у него тоже был великанский, огонь до неба доставал.

Задумался бурхан:

«От такого сильного, глупого великана — всем достаётся: земле и небу, людям и зверям. А ведь великанов трое!»

И вот что бурхан придумал.

У великанов была любимая поляна для игры. Когда они резвились, земля дрожала и гудела, горы окрест обваливались, всё живое убегало в страхе прочь.

Поставил бурхан на той поляне большой и очень красивый ящик, а крышку откинул.

Однажды пришли братья на поляну, чтобы поиграть, и увидели ящик. Самый старший, самый сильный, взял да и сел в него, а потом лёг — подумал, что это постель. Тут ящик сам собой и захлопнулся.

Как ни старались братья открыть крышку, ничего у них не получилось. Ушли они домой, силы за ночь поднакопить. Утром прибежали на поляну, а ящик камнем обернулся. Испу-

гались братья и пошли в разные стороны, куда глаза глядят.

Средний брат достиг берега моря. И тут он почувствовал: вода тянет его к себе. Как ни упирался, море было сильнее. Утянуло в свои глубины, и стал великан хозяином воды.

Младший брат через горы шёл. Утомился, задумал чай сварить. Пошёл зачерпнуть котелком воды в реке. А была ночь, на небе стояла полная луна. И почувствовал великан, что луна тянет его к себе. Ухватился за куст, но луна была сильнее.

С той поры великан — на луне, с котелком в одной руке, с кустом в другой. Так вот и перевелись на земле великаны: один стал камнем, другой — водяным, а младший на луне живёт.

ПАРЕНЬ С КОРОВЬИМ НОСОМ

В давние времена жили-были старик со старухой. Не водилось у них на дворе ни лошадей, ни оленей, зато была корова, такая молочная, что о голоде они знать не знали. Каждый год приносила корова им телёнка, да вот однажды родила парнишку с коровьим носом. Едва родившись, парнишка встал на ноги и засобирался в путь. Снарядили его старик со старухой как могли и вместе с благословением дали ему имя — Тугулжу. Отправился Тугулжу в степь.

Шёл, шёл, встретил юношу по имени Сарых Тарба. Сидел Сарых Тарба на земле и волосы расчёсывал. Подружились они, пошли вместе.

Долго ли, коротко ли, повстречался им на краю степи молодец по имени Кёк Тарба. Кёк Тарба стрелял из лука и ничего другого не умел.

Пошли они втрём и скоро набрали на лес. Сложили из деревьев огромную дровяную гору, и Кёк Тарба выстрелил в эту гору из лука. Деревья от его стрелы разлетелись, как пушинки.

— Дай и мне твой лук! — попросил Тугулжу.

Пустил он стрелу по-над землёй. Три месяца ждали друзья стрелу назад, не дождалось, пошли искать.

Шли, шли и пришли к одной юрте. Видят, их стрела на дымнике. Заглянули в дымник, а в юрте красавица, волосы у

неё до земли, гребень у неё золотой. Слышат, говорит красавица служанке:

— Я пошла бы замуж за Тугулжу, да только он этого не знает.

Взяли друзья свою стрелу, отошли потихоньку от юрты и стали охотиться. Настреляли зверей, поставили табор, развели костёр. Возле костра остался Кёк Тарба, а Тугулжу и Сарых Тарба пошли петли проверять. Только они скрылись из глаз, явилась в табор маленькая старуха. Всё мясо сожрала, Кёк Тарбу связала арканом, колотила его колотушкой по лбу, уши крутила, как маленькому. И пропала!

На следующий день Сарых Тарба мясо варил. Опять остались друзья голодными, а Сарых Тарба битым.

— Ну, теперь мой черёд, — сказал Тугулжу на третий день.

Не успел он разложить костёр, как явилась маленькая старуха и накинулась на мясо. Тугулжу был тут как тут. Взвалил он на старуху котёл и велел воды принести, а сам в котле дно пробил.

Зачерпнула старуха воды, но пока дошла до табора — опустел котёл. Принялся Тугулжу бранить старую. Тогда ведьма бросила ему аркан и колотушку.

— Твоя взяла! Вяжи меня, колоти меня, уши крути.

Связал Тугулжу старуху арканом, а тот травяной — порвался, взял колотушку, а она из угля — в руках рассыпалась. Кинулась старуха бежать, а Тугулжу за ней. Добежали они до ямы. Старуха прыгнула в неё, а яма глубокая, дна не видно.

Вернулся Тугулжу в табор, сварил мясо, накормил товарищей. Потом связали они свои арканы и пошли искать маленькую старуху. Стали спускать Тугулжу в яму, но вдруг аркан ослабел, и упал Тугулжу на дно ямы. Упал и заснул крепким сном.

Это Сарых Тарба и Кёк Тарба вспомнили слова красавицы, позавидовали Тугулжу и решили избавиться от него. Погубили они товарища и бросились к юрте, где девушка жила. Да одну на двоих не разделишь. Стали Сарых Тарба и Кёк Тарба драться.

А в те поры, пока Тугулжу спал, возле него стала расти берёза. Тугулжу проснулся и по берёзе выбрался из ямы на землю. Идёт он, идёт и слышит большой шум. А это Сарых Тарба и Кёк Тарба дерутся. Разнял он их и прогнал от себя прочь.

Девушка Тугулжу обрадовалась. Замуж за него пошла. Не помешал коровий нос человеческому счастью.

САЯН-МЕРГЕН

ПРОЛОГ

Всевышний Бог-Пурхан*, когда творил
Вселенную, то ранее всего
он Время сотворил, чтоб было где
свершаться чудесам, а людям жить —
сменяясь род за родом, приходить
в таёжный, горный, травный Мир Земной,
простёршийся меж солнцем и луной.

Над звёздами Бог небо развернул,
под звёздами он горы утвердил,
а меж горами степи расстелил.
Но пламя поднялось из-под земли,
все пожирая на своем пути, —
и развалились горы от огня,
и раскололись скалы от жары.
Разломанным достался Мир Земной
черноголовым людям, что свои
нехитрые жилища возвели
в распадках близ беловершинных гор —
в изгибах рек, на берегах озёр.

Никто не видел, но известно всем,
никто не знает точно, где и как,
но всем известно, что в густой тайге
два брата жили — множество озёр
принадлежало им, кормило их.
Охотниками не были еще
и не были оленными людьми

* Пурхан (от бурятск. «Бурхан» — небожитель) — верховное небесное божество тофаларского пантеона. (Здесь и далее примечания А.В. Преловского, в которых использованы замечания Н.Ф. Катанова).

два этих брата: так давно они
на свете жили, что до нас дошли
лишь отзвуки произнесённых слов
да отблески таёжных их костров.

Не жирно ели, спали не тепло,
не мирно жили братья меж собой.
Однажды шибко ссориться взялись,
да так, что помириться не смогли.
И старший брат, забросив сеть в кусты,
ушёл в тайгу — и там медведем стал:
стал шкуру буро-чёрную носить,
стал двигаться на четырёх ногах.
И младший брат с озёр откочевал,
чтобы со старшим не делить тайгу
и на тропинках не встречаться с ним.
Он поселился возле горных рек
почти у самой кромки ледников.
Но с давних тех времён, свое родство
обозначая и в душе храня,
охотники старшинство зверя чтут —
медведя до сих пор ирэ* зовут.

От старшего пошел медвежий род,
от младшего пошел народ тофа** —
так тофалары среди лесных людей
известны стали, хоть немного их
насчитывалось раньше и теперь.
Урянхами*** буряты звали их,
а русские, когда в тайгу пришли,

* **Ире** (букв. «дедушка») — одно из почтительных имён медведя; у тофаларов имеется немало легенд, в которых говорится, как они произошли от медведей, и до сих пор к медведю в тайге — особое отношение: его стараются обходить, не раздражать, даже иногда приносятся ему жертвы и воскурения, не только как Хозяину тайги, но и как старшему родственнику — прародителю.

** **Тофа** — *приблизит.* «человек» — самоназвание карагасов после революции.

*** **Урянхи**, народ «урянх» — так не только буряты называли предков современных тувинцев, с которыми зачастую объединяли карагасов.

то карагасами* их стали звать,
и это прозвище надолго к ним
прилипло... но, однако, надо нам
вернуться к сказкам, к давним временам.

Народ тофа от озера Каза**
пришел в края, где горный Саяндай***
застыл перед долиной Ангары.
Там с гор текли Ына**** и Тэрий-суг***** —
две главные могучие реки,
где в их притоках малых и больших
и на озёрах было рыб не счесть,
не счесть зверей в тайге, а в падах гор
не перечесть оленей всех мастей:
удобен был для жизни мир людей.

Давайте вспомним, что ж произошло
давнее наших нынешних времён,
но позже нашей древности: тогда
мергены***** были не трусливей нас,
а злые духи не сильнее их.
Там чаще совершались чудеса,
и жизнь была богаче, чем сейчас,
на приключения, — и наш рассказ
пойдёт вокруг да около того,
что для народа гор важней всего.

* **Карагасы** (карагас — *букв. перевод:* «чёрный гусь») — так русские землепроходцы называли тофаларов в давние времена. Со временем этимология названия была уточнена языковедами. См. предисловие. Наверное, русские, впервые повстречав человека в Саянах и расспросив его, приняли его принадлежность к старшему роду (кости), за наименование самого народа. Ср. у тофаларов есть еще род (кость) «кара-чогду».

** **Озеро Каза** — современный Косогол (Хупсугул) в Монголии у подножья Саян.

*** **Саяндай** — по-тюркски значит: «весь мир Саян».

**** **Ына** (ударение в слове «плавает») — тофаларское название реки Большая Бирюса.

***** **Тэрий-Суг** — тофаларское название реки Гутара.

***** **Мерген** — *букв.* меткий стрелок из лука; в тюрко-монгольском фольклоре еще и витязь, мудрец.

РОЖДЕНИЕ САЯН-МЕРГЕНА

Хотел Всевышний Бог родить детей — ходил он по земле, искал жену и в стойбище одном увидел трёх пригожих девушек, трёх мастериц. Пурхан вошел в их дом и у одной спросил: «Что знаешь, что умеешь ты?» Та отвечала: «Хлеб умею печь — такой и столько, что на радость всем». Спросил Пурхан вторую, и она сказала: «Я умею лес растить — такой и столько, что на радость всем». А третья, как спросил ее Пурхан, ответила: «Я принесу тебе трёх сыновей — два первых у меня родятся златогрудыми, зато последний будет просто человек». «Да будет так!» — обрадовался Бог взял третью замуж и увёл ее в жилище поднебесное свое.

Вот стали жить да поживать они, вот стали счастье наживать они, — и потолстела женщина в свой срок, и время материнства подошло. Всевышний Бог сказал: «Когда дитя является на свет, его нельзя мужчине видеть», — и ушёл в тайгу. Когда бродил Пурхан среди тайги, к нему слетела Чель-пага* с луны, где от начала дней она жила, и так сказала: «Глупый ты, Пурхан! Решил детей родить, а ведь они, родившись, возмужают — и тогда возьмут себе и солнце, и луну,

* Чель-пага (букв. Земляная лягушка) — злой дух тофаларского пантеона, является в женском обличи, всегда вредит людям.

и землю, — все, что прежде создал ты.
Золотогрудых станешь ты слабей,
золотогрудым станешь ты слугой.
Коль Богом хочешь быть, детей убей!»

Задумался Пурхан и загрустил,
задумавшись и загрустив, решил,
что Чель-пага права, — и стало жаль
ему всего, что прежде создал он.
И поспешил к жилищу своему
Всевышний Бог, был шаг его тяжёл,
и на сердце он тоже тяжесть нёс.
Когда домой вернулся, то спросил:
«Кто родился, покажите мне!»
Спросил так грозно, что перепугал
живое все в жилище и вокруг.
Старуха-нянька стала говорить,
что время, мол, еще не подошло
смотреть отцу на сына своего...
Но приказал Пурхан, чтоб принесли
ему ребёнка тотчас — и тогда
старуха-нянька принесла щенка,
чтоб златогрудое дитя спасти,
чтоб гнев отца от сына отвести.

Взглянул Пурхан на этого щенка,
взглянул — и рассердился за обман,
и головёнку снёс ему щелчком.
И снова срок пришёл жене рожать,
и снова вместо сына был отцу
старухой-нянькой поднесён щенок,
и снова был убит Пурханом он.
И в третий раз пришлось рожать жене,
и снова к няньке подступил Пурхан,
чтоб сына принесла ему она.
Не златогрудым третий мальчик был,
и потому, не ожидая зла,
старуха-нянька принесла дитя.

Пурхан увидел сына: мальчик был
как человек во всем, — и грозный Бог,
припомнив двух щенков, сердиться стал:
«Трёх сыновей обещано родить,
а лишь один представлен мне, — обман,
бесчестье, стыд вошли в мой чистый дом!
Предательницу надо наказать —
за ложь великой карой покарать!»

Забил корову чёрную Пурхан,
зашил в сырую шкуру он жену
и сына своего — и со скалы
в Байкал их сбросил, чтобы погубить.
Но мать успела спрятать на груди
нож с Книгою Судьбы*, и волны их
вдоль по Байкалу принялись носить.
Сын в Книгу поглядел и говорит:
«Мне кажется, о мать, что ночь и день
еще бытуют на земле людей».
Мать отвечала: «Нет! — ведь ночь и день
отец твой уничтожил раньше нас».
«Нет, кажется, они еще живут!» —
не унимался мальчик и вспорол
сырую шкуру, чтоб увидеть свет.
И оказалось, что висят они,
за камень зацепившись, над водой,
что мир окрест прекрасен, светел, добр:
поблизости лесами окружён,
а вдалеке горами защищён.

Сын вышел сам на берег под горой,
сын вывел мать на волю и сказал:

* Книга Судьбы (Судеб) — священный, волшебный предмет тюрко-монгольского эпоса; может быть в виде свитка, дощечек; может находиться у героя эпоса в голове, в голени, даже в печени; достаётся в критический момент, чтобы узнать близкое или отдалённое будущее, а также сведения о противнике, даже путь следования к своей цели.

«О вы, белеющие горы,
синеющая чернь-тайга
и зеленеющая степь,
примите нас в свои просторы!
Мы к вам пришли издалека —
не только чтобы вас воспеть,
но чтобы с вами подружиться,
ужиться и навек сродниться...
Так не жалейте нам щедрот,
о Духи Гор, Лесов и Вод!»

Слова его дошли до верха гор,
слова его проникли в глубь тайги,
вернулись эхом, смиренно улеглись
у ног сказавшего, как верный пёс, —
и стало ясно: мир лесов и вод
и травяных степей приемлет их.
И мать сказала: «Сын, ты повзрослел, —
тебе пора мужское имя* взять».
«Дай мне его сама, — ответил сын, —
из старших наших нету никого:
чей род прославию именем своим?»
Мать продолжала: «Вышла кость** моя
из племени саянов, так что ты
зовись Саян-Мергеном — ведь сейчас
сам Саяндай тебя своим признал...»
И мальчик матери кормильцем стал.

* Мужское имя — у тюрко-монгольских народов Сибири даётся старейшиной рода юноше, достигшему возраста воина и мужа, для этого юноша проходит обряд инициации — посвящения в мужчины; «мужское имя» обычно присваивается после совершения какого-нибудь подвига: воинского или охотничьего.

** Кость (каш, гас) — род, племя. И ниже: племя саянов (сояны) — так называли в старину жителей Западных Саян: тоджинцев и урянхайцев (нынешних тувинцев).

САЯН-МЕРГЕН И ХОЗЯИН ГОР

Был месяц кызар-ай* и тёплый день,
был горный мир в цветенье летних трав.
Мать из пушистых листьев хек-пуду**
скроила сыну шапку, чтоб в тайгу
он мог ходить, ни зноя, ни дождя
не опасаясь, — и Саян-Мерген
взял лук и стрелы и пошёл в тайгу.
Но вскорости вернулся и сказал:
«О мать, в лесу я встретил старика —
он шапку попросил ему отдать.
Он слаб и сед — скажи, что делать мне?»
Мать сына успокоила, сказав:
«Наверно, то — Хозяин Гор***, ему
отдай-ка шапку, он и вправду стар».
Саян-Мерген лоскут от рукава
тотчас же оторвал и привязал
на видном месте, чтоб Хозяин Гор
знал: не разбойник в лес идёт, не вор.

За то, что добрым был Саян-Мерген,
за то, что щедрым был Саян-Мерген,
за то, что шапки он не пожалел,
Хозяин Гор ему ответно в дар
поднёс топор, и палку, и мешок.
И так сказал: «Ты начинаешь жить —
тебе придётся в жизни нелегко,
ведь нужно все с начала начинать.
Топор, мешок и палка, как друзья,
тебе помогут выстоять в беде, —
заговори лишь с ними, и они
любую просьбу выполнят твою.

* Кызар-ай («кызар» — лилия-саранка, «ай» — луна) — пора цветения сараны; здесь календарный месяц, июнь.

** Хек-пуду — (букв. «ноги кукушки») — анемон, сибирский подснежник.

*** Хозяин Гор (букв. «Таг ээзи») — по верованиям тофаларов, дух-покровитель горной тайги, могущественное божество многих сибирских тюрков.

Ты добр и смел, таким и дальше будь —
и продолжай судьбою данный путь».

Пришёл домой тогда Саян-Мерген,
принёс топор, и палку, и мешок —
и тут же захотел их испытать.
Он топору сказал: «Построй жильё!» —
и тот рубить принялся и строгать,
и юрта из-под лезвия его
мгновенно вровень с лесом поднялась.
Он взял мешок, встряхнул его, сказав:
«Дай, что не жаль!» — и тут же из мешка
посыпалась различная еда:
лепёшки, мясо, птица, молоко.
Обрадовалась мать, и сын был рад,
что холод им и голод не грозят.

Он вынул Книгу Судеб, стал читать.
Он вычитал, что где-то есть земля,
что там его два брата ждут — они
старухой-нянькой отданы давно
на воспитанье великану, чтоб
их не убил разгневанный Пурхан.
Саян-Мерген взял палку и сказал:
«Стань скакуном!» — и перед ним возник
могучий конь, и всадника понёс
в иные земли по дороге звёзд.

Полмига он потратил, чтоб успеть
полмира обскать, и увидел
большую юрту, в юрте двух парней —
золотогрудых, но худых с лица:
наверное, от голода больны.
«Однако, это братья, надо их
скорей спасать!» — сказал Саян-Мерген.
Но лишь вошёл он в юрту, вслед за ним
ворвался великан — зверей и птиц
бессчётно он с охоты приволок.
Всё съев тотчас и кости изжевав,

заметил великан, что в юрте гость:
«А! вот кого, чтоб голод утолить,
мне надо съесть!» — он тут же завопил.
Но и Саян-Мерген не промах был.

Он приказал: «Эй, палка, защити!» —
и указал на великана: в миг
она взвилась, как боевой клинок,
и надвое злодея рассекла.

И братьев златогрудых усадил
Саян-Мерген с собой на скакуна —
и к матери привёз, чтоб было ей
любить кого, заботиться о ком.

И сели братья в круг, и мать дала
им всем еды и налила питья.

Два златогрудых брата в этот миг,
когда коснулись материнских рук,
как люди стали: златогрудость их
исчезла без следа, как не была.

Спасённых братьев крепко обнимал,
спасённых братьев щедро угощал
Саян-Мерген, рассказывал о том,
что знал, что видел, но при этом он
считал, что мало видел, мало знал.

Мир, им не познанный, вокруг лежал,
мир, им не виданный, в дорогу звал.

САЯН-МЕРГЕН И ДОБРЫЕ ДУХИ

Однажды в лес пошёл Саян-Мерген:
от жажды он спасался влагой рек,
от голода же — ягодой долин.

Ни в ближнем зверя не нашёл лесу,
ни в дальнем зверя не нашёл лесу —
устал искать, намаялся в тайге
и отдохнуть под деревом присел.

Стал думать, отчего так не везёт?..
И догадался, что идя в тайгу,

забыл задобрить духов здешних мест
и совершить положенный обряд, —
и потому Хозяин Леса ждёт
и встретиться со зверем не даёт.
Развёл огонь тогда Саян-Мерген —
расцвёл костёр, как золотой цветок.
И рядом шест воткнул Саян-Мерген,
и привязал к нему от рукава
лоскут побольше, и в живой огонь
артыша* набросал, чтоб тот дымил,
чтоб дым священный всю тайгу повил.

Лишь только дым развеялся вокруг,
лишь только призатухнул костерок,
как расступился лес, — и невдали
Саян-Мерген увидел старика:
он за рога изюбря гнул к земле,
и так держал, что тот едва стоял.
Саян-Мерген приблизился, старик
ему сказал: «Возьмись-ка за рога
да поддержишь! Ты чувствуешь, как жизнь
из-под земли сквозь тело и рога
проходит вверх — до Неба? Приходи
сюда наутро, и тогда тебе
судьба подарит то, что заслужил», —
сказав, Хозяин Леса поспешил
в чашобе скрыться, где, наверно, жил.

Наш молодой охотник не робел.
Наутро он опять пришёл в тайгу,
нашёл зверей несчётно — добыл их,
снял шкуры, мясо взял, и вслед за ним
все люди стали зверя добывать:
из шкур одежду делать принялись
и позабыли, что до этих пор
себе сплетали шубы из травы,

* Артыш (арча) — особый вид можжевельника, взятый с вершины священной горы; его дым считался угодным божествам, как жертва.

из веток, — так людей Саян-Мерген охотами кормиться приобщил и тайнам зверованья научил.

Потом Саян-Мерген пошёл к реке, притом взял сеть, и морду*, и уду, чтоб рыбы наловить, а у реки свою рубаху привязал к кустам, развёл костёр, артыш на нем пожёг, — все делал он, чтобы Хозяин Вод расщедрился, но вышло-то не так, как ожидал наш молодой рыбак.

Взвихрились воды поверху реки, взмутились воды понизу реки — и вышел из глубин Хозяин Вод. Был в тине весь, усат и бородат, бокаст, рукаст и очень возмущён: «Что делать собираешься?» — спросил. Саян-Мерген ответил: «Наловить немного рыбы — накормить родных...» «Не дам, не дам!» — сказал Хозяин Вод, — бороться будем: если поборю, то для людей все воды затворю!»

Взялись бороться около реки — сошлись бедро к бедру, схватились мять, крутить, клонить друг друга: день прошёл, другой прошёл — и никого никто не победил в той затяжной борьбе. «Передохнём, — сказал Хозяин Вод, — продолжим завтра схватку поутру!» Саян-Мерген ответил: «Если ты не победил сегодня, завтра я представлю брата младшего — пусть он меня заменит. Помни уговор!»

* **Морда** — *сиб.* русское название плетёной из прутьев ловушки для рыбы.

А сам пошёл к медведю, что в пади* искал побеги сладкой черемши**, и родича просил ему помочь. Медведь размяться был совсем не прочь.

Явился поутру Хозяин Вод и удивился очень: младший брат был сильно уж приземист и мохнат. Но принялся бороться — и медведь сопернику стал наминать бока: так потрудился, что Хозяин Вод взмолился, плача, чтобы тот ему не доломал хребет, и убежал. Медведь погнался следом — не догнал.

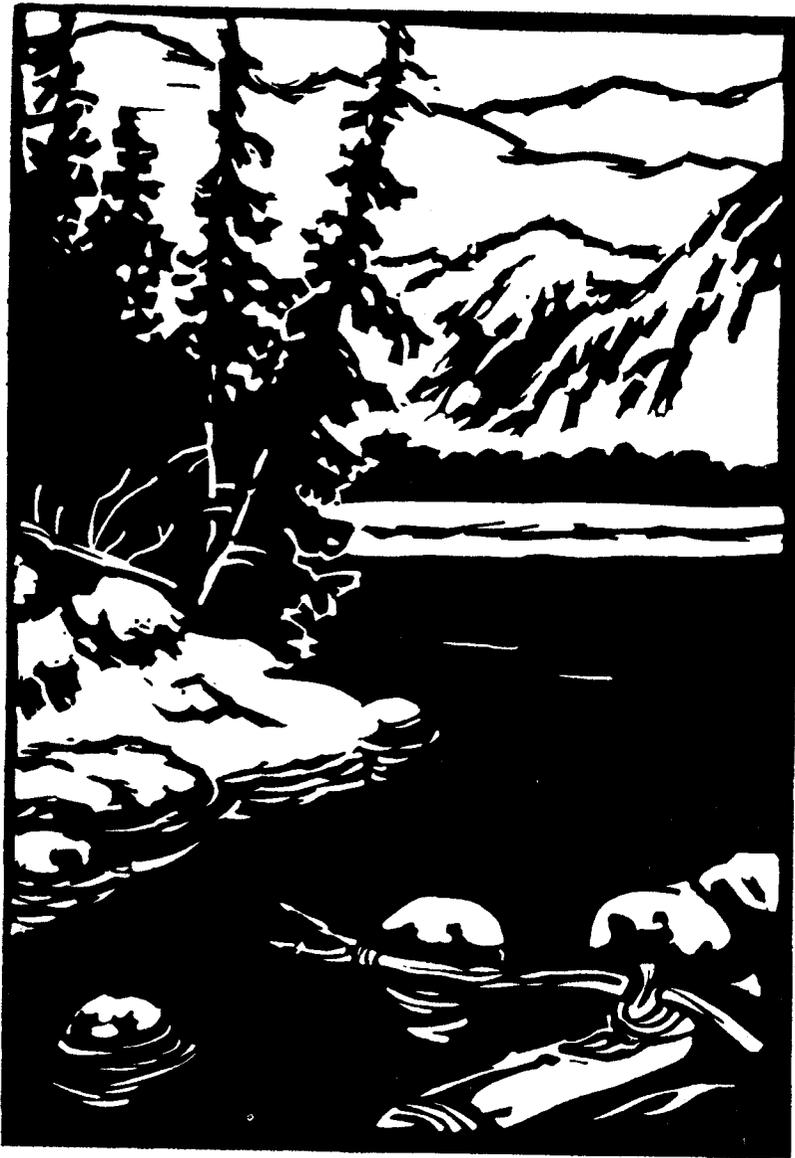
Настало утро — и опять пришёл, надеясь человека одолеть, Хозяин Вод и снова стал склонять к единоборству — свой ремённый кнут забросил в небо так, что тот повис на облаке и над землёй поплыл. Саян-Мерген талину*** взял, взмахнул и, сделав вид, что бросил в вышину, за спину спрятал — долгие два дня, на небо глядя, ждал Хозяин Вод, когда талина наземь упадёт...

Отчаялся Хозяин Вод совсем, закаялся бороться и сказал: «Однако, люди, вы сильнее меня! Живите, где хотите, и в любой воде ловите рыбу, лишь меня не трогайте!» — и занырнул на дно... С тех пор и появились рыбаки среди тофаларов — стали рыбу есть

* **Падь** — *сиб.* распадок в горах.

** **Черемша** — *сиб.* дикорастущий чеснок, весеннее лакомство обитателей тайги, в том числе и человека.

*** **Талина** (тальник) — *сиб.* род зелёнокорой ивы: здесь: тальниковый прут.

потомки их, нисколько не страшась,
когда порой из глубины всплывёт
бокастый бородач – Хозяин Вод.

САЯН-МЕРГЕН И ЗЛЫЕ ДУХИ

Когда в тайгу откочевала мать,
когда откочевали братья с ней,
тогда Саян-Мерген решил узнать,
что там за мир – за ближнею горой,
что там за жизнь – за дальнею горой?
Собрался он в дорогу, но глядит –
с луны слетела Чель-пага и в дом
заходит, и садится к очагу,
и чашку лучшую его берёт,
и молоко его нахально пьёт.

«Ты что пришла?» – спросил Саян-Мерген.
«Ты что взяла?» – вскричал Саян-Мерген.
Расхохоталась нагло Чель-пага:
«Да я тебя и самого сожру!» –
и, чёрными клыками засверкав,
накинулась как буря на него.
Пустился наутёк Саян-Мерген,
а Чель-пага за ним, как тень, летит:
он побежит в кусты – она в кусты,
он на́ гору – и Чель-пага за ним,
толкает в спину хохотом своим.

Как догадался дерево найти,
как он взобрался на высокий ствол,
не помнил, только с вышины беглец
увидел, что не может Чель-пага
залезть на ветки, что освящены
обрядом в честь Хозяина Лесов.
Пока ругалась Чель-пага внизу,
Саян-Мерген летящего орла
успел позвать и попросил его,

чтобы нашёл родных, — и те пришли,
и смельчаков на помощь привели.
Собрался возле дерева народ,
собрал всю мощь свою в единый крик —
и этим криком сдуло Чель-пагу,
как ветром лист осенний, и она,
летя к себе обратно на луну,
грозила: «Берегись, Саян-Мерген,
тебе мои два сына не простят —
за мой позор с лихвою отомстят!»

Спустился на́ землю Саян-Мерген
и поклонился людям: понял он,
что лишь они сильнее духов злых,
когда собраться могут, как один,
когда объединятся против зла...
И, слово благодарности сказав,
оставил свой народ Саян-Мерген,
покинул дом родной Саян-Мерген —
искать пошёл чудес и перемен.

Шёл долго он тропинкою лесной,
шёл долго он и вовсе без дорог
и повстречал двух путников — они,
два ловких кубулгата* молодых,
друг перед другом хвастались своим
особенным, волшебным мастерством.
Один из них вдруг птицею предстал,
но почему-то не сумел взлететь,
другой из них вдруг рыбою предстал,
да почему-то не сумел поплыть...
Саян-Мергену это мастерство
понравилось, он путникам сказал:
«Хочу, чтоб взяли вы меня в друзья,
хочу учиться этому и я!»

* Кубулгат — из бурятск. человек, умеющий принимать обличья зверей и птиц, склонный к оборотничеству.

Стал он учиться — многое познал,
взял всё у них, что знали, что могли,
и больше их в ученье преуспел.
И вдруг оборотился скакуном —
помчался по степи, как вихрь гнедой...
Но тут сказали спутники ему:
«Ты станешь кубулгатом лучше нас,
а это ведь большой позор для нас.
Мы оба — дети лунной Чель-паги,
и если б обернулся ты конём,
который не сумел бы поскакать,
мы б съели с чистой совестью тебя...
А так придётся убивать тебя!»

Настало время ноги уносить —
не стал их слушать наш Саян-Мерген
и побежал, скрываясь то за пнём,
то за горой, и слышит, что за ним
два кубулгата гонятся: вот-вот
настигнут, схватят, умертвят, съедят...
Бежал, боясь и поглядеть назад.

А за горою начиналась степь,
а под горою жил хан Улусун*,
Вбежал в его дворец Саян-Мерген,
успел ему поведать о беде
и тут же перстнем обернулся сам,
и на руке у хана засверкал,
как будто век ему принадлежал.
Вбежали кубулгаты во дворец,
вскричали: «Где негодник? Где беглец?
О, хан, отдай нам нашего врага! —
нам Чель-пага его велела съесть...»
Хан Улусун ответил: «Вот сейчас
я перстень надкушу и брошу вам,
он обернётся россыпью зерна —

* Улусун (видимо, от «улуу» — великий, огромный) — имя бурятского происхождения.

вы превращайтесь в куриц, и тогда
врага искорените навсегда!»

Снял перстень, бросил наземь, но схитрил —
взял да припрятал зёрнышко одно.
Лишь кубулгаты, курицами став,
друг друга обгоняя, принялись
клевать зерно, как наш Саян-Мерген
вновь обернулся человеком — в миг
он этим курам головы свернул.
Хан Улусун, когда Саян-Мерген
слова признательности произнёс,
ему сказал: «Ты ходишь по земле,
ты много видишь, ты умён, учён —
так помоги спасти мне дочь мою.
Она счастливой девочкой росла,
но злые духи счастье у нее
похитили — с тех пор не ест, не пьёт,
не плачет, не смеётся: не живёт».

Саян-Мерген пообещал помочь,
Саян-Мерген пообещал найти
украденное счастье, но просил,
чтоб хан ему больную показал.
Хан Улусун вскипел: «Ты кто такой,
чтоб видеть лица ханских дочерей?
Что одолел врагов, тем и гордись!
Что жив-здоров, тем и доволен будь!..»
Саян-Мерген с обидой вышел в путь.

САЯН-МЕРГЕН И ДВА ЗМЕЯ

Бродил Саян-Мерген в глухих лесах,
ходил Саян-Мерген в пустых степях,
однажды ночью он разжёл костёр,
чтоб обогреться и, поев, уснул.
А как проснулся, видит: у огня,
свернувшись в кольца, голову задрал,

большой, крылатый, синий змей лежит
и красным глазом на него глядит.

«Саян-Мерген, ведь я к тебе пришёл!
Саян-Мерген, я помощи прошу!» —
сказал ему крылатый синий змей.
Саян-Мерген ответил: «Помогу».
Змей продолжал: «Бескрылый жёлтый змей
подругу отнял у меня — теперь
мы утром станем насмерть драться с ним.
Во время схватки должен ты ему
стрелой попасть точнехонько меж глаз,
и этим ты спасёшь обоих нас!»

«Конечно, сделаю, как ты велишь,
конечно, прямо в лоб стрелу пущу», —
сказал Саян-Мерген, а поутру
сел змею на спину — тот полетел
к условленному месту, где уже
их ожидал бескрылый жёлтый змей.
Схватились змеи — в кольца завились,
все разломали, размели вблизи,
все разметали, разнесли вокруг:
хвостом ударят — валится сосна,
ударят телом — рушится гора, —
так длилось от утра и до утра.

К полудню лишь стал утихать напор,
к полудню лишь сумел Саян-Мерген
прицелиться и змею в лоб стрелу
послать — и насмерть поразить его.
Крылатый синий змей обвил врага —
и задушил в объятиях своих,
потом у змея жёлтого извлёк
он из подлобья шарик золотой
и дал Саян-Мергену: «Если ты
пойдёшь искать невесту, покати
перед собою шарик — он тебя
не сразу, но до цели доведёт.
Ты спас меня — и он тебя спасёт!»

Опять пошёл Саян-Мерген в тайгу,
опять пошёл он в степь — и через день
три человека встретились ему.
Они нагими были, но сперва
Саян-Мерген не понял, кто пред ним.
Как водится в пути, сварили чай,
поели вместе — и Саян-Мерген
узнал, что это были три Аза*.
Сначала испугался он, потом
стал к ним приглядываться — изучил
повадки их и хитрости, потом
их волшебство и силу перенял, —
так им товарищем в скитаньях стал.

Когда узнал, что делают Аза,
когда узнал, как пакостят они
и как приносят добрым людям вред,
то сильно пожалел Саян-Мерген,
что к духам злым в попутчики пошёл.
Однажды стали хвастаться Аза
и рассказали, что они смогли
украсть судьбу и счастье у одной
земной девицы, что сложили их
в мешочек замшевый, — и вот его
теперь хотят продать, и Чель-пага
за тот мешочек золото сулит..
Саян-Мергена гнев объял и стыд.

Он выхватил мешочек у Аза,
он выпрыгнул из круга их — бегом
пустился наутёк, а те — за ним.
Бежал горами — не могли догнать,
бежал степями — не могли нагнать,
бежал тайгой — настигли, но успел
Саян-Мерген упасть в колючий куст
шиповника и затаиться там.

* Аза — по поверованиям тюрков Сибири, злой дух подземного мира, всегда враждебен человеку.

Аза — все трое — не могли туда
проникнуть, ведь колючего они
боятся, ведь обречены они
быть голыми всегда среди людей,
и в этом — их отличие от людей.

И так и эдак прыгали Аза,
и так и эдак шевелили куст,
но искололись дó крови — ушли,
покаявшись отомстить когда-нибудь.
Саян-Мерген в шиповнике еще
для верности до ночи пролежал,
затем тихонько выполз и ушёл —
и шарик покатился по земле,
ведя его, светя ему во мгле.

САЯН-МЕРГЕН В НИЖНЕМ И СРЕДНЕМ МИРАХ*

Катился шарик по горам, лесам,
катился шарик по степям — и вот
остановился шарик на краю
огромного отверстия в земле,
как бы зовя спуститься в Нижний Мир*.
Спустился и пошёл Саян-Мерген
по тропке, что под землю повела.
Увидел чумы там, людей, стада,
но понял, что невидим сам для всех,
кто под землёй живёт, — и потому
неловко было, как в чужом доме.

Приметил он красавицу одну,
пригожая и статная была,
а подошёл, дотронулся — тотчас
она вся почернела, будто хворь

* Нижний Мир — у тофаларов, как у всех тюрков и монголов Сибири, Вселенная делилась на три части: Верхний мир, Вечное синее Небо — обиталище богов и духов-покровителей, Нижний Мир — подземные места, где находятся злые духи, и также души умерших людей; Средний подсолнечный Мир — земля людей.

внезапная напала на нее...
Родители шамана привели,
и он по виду девушки узнал,
что тут нездешний кто-то побывал.

Саян-Мерген увидел, что схватил
шаман свой бубен о семи хвостах
и так же, как повсюду и всегда
шаманы на подсолнечной Земле,
он бубен, как коня за гриву, взял
и сделал вид, что оседлал его,
и начал колотушкой в бубен бить.
По звёздам приготовившись летать,
шаман принялся истово камлать*:

«Неси меня, мой бубен, в высь,
где звёзды в стаи собрались!

Я всех врагов побью к утру,
а после них и сам умру.

Я вижу все и знаю всё,
и песней побеждаю всё!

Я землю трижды облечу —
того, кто болен, излечу!

Помогут в этом Небо мне,
Пурхан и звёзды в вышине»**...

Так пел шаман, верша за кругом круг,
так пел шаман, камлание творя,
потом к Саян-Мергену подошёл,
взял за руку его — Саян-Мерген
от этого стал видимым опять.
«Кто ты? Откуда появился ты?

* Камлать (от «кам — шаман) — у обитателей Нижнего мира тоже были шаманы, стада, жилища; жизнь их походила на жизнь земных людей, но часто с обратным знаком, например, вещи все были поломаны; здесь это отличие выражено болезнью подземных существ от прикосновения к ним

** Здесь даётся перевод шаманского песнопения, записанного Н.Ф. Катановым. См. в соответственном разделе и в комм. — А.П.

Зачем пришёл?» — спросил его шаман.
Саян-Мерген подробно рассказал,
что он земной таёжный человек,
что ищет здесь невесту, что его
волшебный шарик ввёл в подземный мир.
Шаман сказал: «Живой — среди живых
искать обязан счастье и судьбу,
а к мёртвым не ходить, пока живой!» —
и указал тропинку в мир земной.

Померк в конце пути подземный свет,
наверх легко прошёл Саян-Мерген
и рад был снова солнце увидеть,
там шарик золотой лежал — и вновь
он покатился по земле, повёл
к судьбе и счастью: в степи и леса.
День, два он шёл, пока не подошёл
к дворцу, где жил богатый, знатный хан,
но грусть и скорбь царили в доме том.
Саян-Мерген узнал, что много лет
хворает дочь хозяина — она
тоскою и унынием больна.

Вошёл Саян-Мерген и во дворце
нашёл его хозяина в тоске —
то был хан Улусун, он не узнал
Саян-Мергена, а Саян-Мерген
сказал, что может дочь его спасти,
но хочет, чтоб сперва он увидел
ее саму и с ней поговорил.
Смирил гордыню хан и проводил
Саян-Мергена к дочери — она
лежала, будто мёртвая, лишь грудь
вздыхалась от дыхания: спала.
Но так прекрасна спящая была!

«Спасёшь ее, — сказал хан Улусун, —
возьмёшь себе и сделаешь женой.
Отдам тогда дворцы, отдам стада —

для вас не пожалею ничего!»
Саян-Мерген ни слова не сказал,
во все глаза на девушку смотрел.
Саян-Мерген мешочек, что украл
у трех Аза, достал и развязал
и высыпал, что содержалось в нем,
в ладонь несчастной девушки, — и вдруг,
внезапно пробудившись ото сна,
красавица очнулась, поднялась,
глаза открыла, смехом залилась.

ЛЮБОВЬ И СВАТОВСТВО САЯН-МЕРГЕНА

Как две реки сливаются в одну,
как два ствола срастаются в один,
как две руки встречаются затем,
чтоб две души любовью единить,
так повстречались наш Саян-Мерген
и хана Улусуна дочь: судьба тогда
сердца их породнила навсегда.

Но, выполняя вековой завет,
но, совершая вековой обряд,
Саян-Мерген обязан был пропеть
избраннице о том, что у него
в душе и в сердце, и Саян-Мерген,
хоть песни петь не очень-то умел,
о сокровенном все-таки запел:

«Если я оседлаю*
золотого коня,
то без плётки, я знаю,
понесёт он меня!

Если девушку встречу
и любовью отвечу

* Здесь дан перевод любовного перепева в записи Н.Ф. Катанова, см. в его текстах. — А.П.

на любовь, то со мной
будет жить она жизнью одной!»

Дочь хана Улусуна тот запев
точь-в-точь продолжила, придав ему
свой тайный смысл, ведь так заведено,
чтоб чувство звонким словом облеклось,
чтоб слово с чистым звуком обнялось:

«Если я оседлаю
голубого коня,
понесёт ли, не знаю,
он без плётки меня?

Если юношу встречу
и любовью отвечу
на любовь, то мы с ним
насладимся ли счастьем одним?»

Вступил Саян-Мерген в хозяйский дом
и приступил к отцу: «Хан Улусун,
ты обещал мне дочь — отдай ее:
друг друга с нею полюбили мы
и жить хотим теперь одной семьёй!»
Хан Улусун сказал: «Да, обещал.
Да, я отдам, но только ты сперва
три лёгоньких задачки разреши,
три маленьких загадки разгадай!»
Саян-Мерген ответил: «Что ж, давай!»

«Пойди в лесок, — сказал хан Улусун, —
найди там зайцев и узнай у них,
какой им век отмерен на земле?»
Саян-Мерген к невесте поспешил,
и та сказала: «Ягодник найди,
там затаись — и все узнаешь сам».
Саян-Мерген в малиннике залёт
и слышит: старый заяц прискакал,
малину увидал и говорит:
«За шестьдесят три года, как живу,

такой малины рясной не видал —
наемся и, наверное, помру...»
Саян-Мерген все то, что слышал здесь,
назавтра хану точно передал,
но хан ему еще задачку дал.

«Пойди в тайгу, — сказал хан Улусун, —
найди медведей и узнай у них,
какой им век отмерен на земле?»
Саян-Мерген к невесте поспешил,
и та сказала: «Я сошью тебе
три шапки, их возьми и подойди
к тропе медвежьей — сядь у той тропы,
одну из шапок на себя надень,
а две другие на колена, — сам
узнаешь всё, что надобно узнать».
Саян-Мерген у той тропы засел
и видит: подошёл к нему медведь,
заметил шапки — удивился так,
что прорычал: «Я на земле живу
лет восемьдесят, а впервые мне
явился трехголовый человек, —
наверно, я от хохота помру...»
Саян-Мерген все то, что услышал,
назавтра точно хану рассказал,
но тот ему еще задачу дал.

«Пойди в табун, — сказал хан Улусун, —
найди чёрногнедого скакуна,
по девятистремянному* седлу
его среди иных ты отличишь.
Если сумеешь укротить коня,
то знай, что дочь моя — навек твоя!»
Саян-Мерген к невесте поспешил,
и та ему дала железный кнут
о трёх хвостах, и он пошёл в табун,

* Девятистремянное седло — образное выражение, следует понимать, что богатое, дорогое.

и там среди других нашёл коня
по девитистремянному седлу.
Вскочил — понёлся конь, пытаюсь сбить
и растоптать лихого седока.
Но как огрел его Саян-Мерген
железною трёххвосткой, присмирел.
Еще удар, еще! — конь запросил
пощады: плакать и виниться стал —
и ханом Улусуном вдруг предстал.

«Ты победил, — сказал хан Улусун, —
ты заслужил, чтоб в жёны дочь мою
взять, — так бери, живи и счастлив будь!»
Тут стали свадьбу молодым справлять:
из молока нагнали арахы*,
забили много разного скота
и горы мяса наварили там.
Родители невесты ждять гостей
у своего подворья принялись.
Подъехал на олене к ним жених,
за ним пришли все родичи его.
В просторной юрте сели гости в круг,
по старшинству и знатности заняв
места: мужчины на одном краю,
а женщины — все на другом краю.
Хан Улусун попробовал вина,
потом все гости стали пить его.
Наутро преподнёс Саян-Мерген
кусоч почётный хану, после — все
другие стали мясо есть, и так
продолжили старинный ритуал.
Потом три дня на игрищах народ
пел и плясал, и вновь плясал и пел —
и счастье жизни славил, как умел:

«Всевышний Бог Пурхан, доволен будь! —
ты подарил нам руки, ноги, грудь:

руками обнимается народ,
ногами в пляс пускается народ.
А грудь могучая затем дана,
чтоб силой неземной была сильна,
чтоб песнями всегда была полна,
чтоб радостью была полна она!»*

КОЧЕВЬЕ САЯН-МЕРГЕНА

Когда устали песенники петь,
когда устали плясуны плясать,
когда устала свадьба пить и есть,
тогда того, кто не плясал, не пел,
прилюдно мазать сажей принялись, —
тут было много смеха и обид.
Затем невесте здесь переплели
девичьих десять — в женских две косы,
чтоб знали все, чтоб видно было всем,
что перед ними мужняя жена.
Затем, чтобы обычай соблюсти,
из юрты мясо начали бросать —
собакам тоже надо дать поесть,
чтобы о свадьбе помнили они.
Затем уже и сам хан Улусун
поднялся и сказал: «Возьми жену
и откочуй, Саян-Мерген, к себе.
Отныне я — навечно друг тебе!»

Откочевал Саян-Мерген в тайгу,
отпировал на стойбище своем —
и начал жить, как все тофа живут.
Сперва он чум поставил — для себя
и для жены: жердины обстругал,
воткнул их в землю, принагнул верхи
и по бокам берёстой обтянул.
Устроил в чуме дымник и очаг,

* Арахá — молочная водка.

* Перевод народной песни в записи Н.Ф. Катанова, см. в его текстах и комм. — А.П.

устроил дверь и полог* для спанья.
Потом лишь ввёл он в чум свою жену
и пожелал, чтоб хорошо жилось, —
все сделал, как в народе повелось.

Чтоб возле чума стадо завелось,
чтоб возле стада завелись стада,
чтоб возле стад — еще, еще стада,
Саян-Мерген шамана пригласил.
Когда настал благоприятный срок,
шаман пришёл, чтоб совершить обряд.
Под ноги бросив белую кошму,
оленья привязали у дверей,
чтоб головой стоял он на восток.
Шаман принялся с вечера камлать,
всю ночь камлал, а после нацедил
семь чашек чаю — и расставил их
у ног и возле морды, а потом
оленья этим чаем он омыл.

С восходом солнца привязал к рогам,
пять разноцветных лент и обкурил
дымком артыша, чтоб скорей олень
ыдыком** стал: отпущенный пастись,
от всех работ в тайге освобождён,
он может лишь хозяина возить
и лишь ему удачу приносить.

Прошли зима и лето, а потом
прошли года, — где жил Саян-Мерген,
где чум берестяной расположил,
вкруг стойбища охотника в тайге
немало появилось и других
людей, собравшихся со всех сторон.
И жёны их друг с другом ужились,

* **Полог** — род занавески в чуме, чем отделяются семьи друг от друга.

** **Ыдык** (букв. заповеданный, священный; у хакасов — «ызык») священное животное, конь, баран, бык, олень, принесенное живём в жертву божеству (обычно солнцу, Небу); на нем нельзя было ездить, нельзя было его употреблять в работу, так как это был живой оберег стада.

и дети их сыгрались, и легко
текли бы дни в том стойбище лесном,
когда бы по велению Небес*
однажды не стряслась бы там беда.
Народ тофа свободно жил в горах,
но и над ним всеильный был судья —
его неумолимая судьба.

САЯН-МЕРГЕН И ВЕЧНЫЕ ЛЮДИ

Был снежный, вьюжный месяц алдылар**,
был солнечный, в ту пору тёплый, день.
Саян-Мерген, оленья оседлав,
отправился в тайгу — по-над рекой
он ехал, напевая, как любой
охотник: о любимой вспоминал —
о ней он пел, но пел и о другом.
Саян-Мерген пел о своей реке,
а, может быть, пел и самой реке:

«Незнакомых знакомящая,
Ына, мать наша, рыбой полна:
зубы холодом ломящая,
голубая, как небо, волна,
а под волнами — солнца до дна.

Серебрится твоя ширина,
золотится твоя глубина,
отдалённых сводящая,
незнакомых роднящая,
Ына, мать наша, рыбой полна...»

Проехав две излуки той реки,
пропев еще две песни той реке,
проведав по следам, какой тут зверь

* **Небо, небеса** — верховное мужское божество тюрков и монголов Сибири.

** **Алдылар** (букв. алдыр-ай, пора охоты на соболя) — календарный месяц октябрь.

куда ходил, Саян-Мерген в кустах
осёдланного зайца увидал.
Он спешился и разглядел людей —
то были люди вечные: они,
на зайцах ездя, жили под землёй
в пещерах горных и в корнях деревьев
и никому не причиняли зла.
«Спаси нас, защити, Саян-Мерген! —
сказали люди вечные ему. —
Коварный соболь преступил закон
и нашего сородича загрыз.
Убей его! — вон побежал наверх.
Убей! — вон из ветвей на нас глядит.
А то всё наше племя истребит!»

Срубил высокий кедр Саян-Мерген,
убил того, кто преступил закон, —
и вечным людям соболя отдал.
Они сказали: «Мы за то, что спас,
тебе и соплеменникам твоим
добром отплатим: всех вас напоим
водою вечной, чтоб стали вы
бессмертными, как мы. Ты поезжай
сейчас домой и жди. Когда земля
покроется травой, приедем мы —
спасителя сумеем одарить,
людей сумеем отблагодарить».

Прошла зима, сошли ее снега,
пришла пора проталин и травы,
что издавна зовется шомур-ай*.
Тогда в долину по сухой тропе
с горы спустился странный караван.
Осёдланные зайцы чинно шли,
их уши подымались над травой,
как у оленей ездовых — рога
над красноталом, что зверям по грудь.

* Шомур-ай (букв. пора зелени) — месяц апрель.

И восседали в сёдлах золотых
на зайцах — люди вечные, в руках
у каждого заветный туесок.
А в туесках — дарующая жизнь,
в нутре горы текущая вода:
попил ее — и будешь жив всегда.

Но жители тот странный караван
увидели — и стало им смешно,
и потешаться начали они
над зайцами, над вечными людьми,
над ростом их, над важным видом их:
«На зайцах едут!.. Ай-да скакуны...
А ножки-то, а ручки-то... Ха-ха!
Малютки, а как люди: все в мехах...
Ручонки... Туесочки... Ха-ха-ха!» —
так изгалялись люди над людьми:
невечные — над вечными людьми.

И оскорбился маленький народ,
и рассердился маленький народ:
не переждал потока бранных слов,
не выдержал насмешек и хулы,
не слушал даже, как Саян-Мерген
просил простить невежливых и злых,
неумных соплеменников своих...

Был непреклонен маленький народ,
не склонен к шуткам: слова не сказав,
он зайцев повернул в обратный путь
и воду из заветных туесков —
всю воду вечную! — порасплескал
на кедр, сосну и ель, — и долго вслед
от сельбища катился глупый смех,
ложась на сердце, как на травы снег.

С тех пор исчез тот маленький народ.
с тех пор никто людей тех не встречал,
с тех пор беднее сделалась тайга,

с тех пор сильнее стали холода,
с тех пор слабее стало солнце греть,
с тех пор труднее стало людям жить:
ловить оленей, зверя добывать,
растить детей и находить невест, —
и стал народ тофа хиреть, мельчать,
и там, где пел, предпочитал молчать...

Но с тех же самых пор старушка-ель,
но с тех же самых пор молодчик-кедр,
но с тех же самых пор сестра-сосна
стоят — зимой и летом зелены:
не сбрасывают хвою пред зимой
и не желтеют осенью, как вся
саянская тайга, — вот так вода,
волшебная священная вода
их с вечностью сроднила навсегда.

ЭПИЛОГ

Что было дальше? — знаем мы не всё...
Что было, то травкою поросло,
а, может, и лесами заросло.
Но лишь известно, что Саян-Мерген
стал соплеменников учить добру,
но в этом деле мало преуспел.
Как понял он, что люди, став сильнее
всех духов — злых и добрых, не хотят
старинные законы длить и чтить,
то взял свою семью Саян-Мерген,
олений взял своих Саян-Мерген
и юрты с балаганами свернул,
и деревянных всех божков собрал —
и со стоянки снялся, отошёл
в другую падь, за снежный перевал.
Никто не знал, куда откочевал.

С тех давних пор лишь слух о нем идёт,
с тех давних пор лишь сказки есть о нем.
С тех давних пор и принято считать,
что жив Саян-Мерген и род его,
что будто бы он все еще в пути,
да самого — ни встретить, ни найти.

Никто не видел, но известно всем,
никто не знает точно, где и как,
но всем известно, что в глуби тайги
следы Саян-Мергена пролегли:
следы былого — в памяти людской,
следы кочевий — в давних временах,
следы следов — в новейших временах.

А где же сам Саян-Мерген? В тайге!
Где повстречаться с ним?.. Однако, там:
на Малом Эсселее и Большом,
на Мокром Мирючуне и Сухом,
на Хорме, на Оргое, на Нерсе,
на Янготе, Богое, Хухорме, —
на тофаларских речках родовых.
А чаще — на любимой Бирюсе,
что Малым и Большим протоком льёт
мелеющие от людских трудов,
слабеющие от людских потрав,
но все еще священные, как встарь,
живые воды, падая с вершин
седых Саян, ведь и до наших дней
дошел обычай — песни петь о ней:

«Серебрится твоя ширина,
золотится твоя глубина,
незнакомых сводящая,
отдалённых роднящая,
Ына, мать наша, рыбой полна,
просвётленная солнцем до дна...»

КОММЕНТАРИИ

ТОФАЛАРСКИЕ ПЕСНИ

ИЗ СОБРАНИЯ Н.Ф. КАТАНОВА

Песни, собранные Н.Ф. Катановым во время его экспедиции в Саяны зимой 1889 года, впервые опубликованы им в статье «Поездка к карагасам». «Записки императорского Русского Географического общества по отделению этнографии», том XVII, выпуск 2, СПб, 1891.

Позже, когда учёный тщательно обработал свои полевые сборы, тофаларские материалы вместе с урянхайскими (тувинскими) и хакасскими (тогда их называли «абаканские татары») были наряду с оригиналами представлены в издании академика В.В. Радлова «Образцы литературы тюркских племён», СПб, 1907, том IX в двух книгах (одна книга: оригинальные тексты на языках этих трёх тюркоязычных народов; другая книга – научные переводы этих же материалов на русский язык, выполненные самим Н.Ф. Катановым). Именно с этого издания были сделаны наши переводы песен.

Здесь наши переводы песен из собрания Н.Ф. Катанова публикуются по книге «Фольклор Саянских тюрков» XIX-XX вв.» в двух томах. Том 1 поэзия хакасов, тофаларов и тувинцев. Издательство «Новый Ключ». Москва, 2003.

Дальше сведения о записях:

Тексты 1-2 Н.Ф. Катанову «сообщил Пэсалжик, сын Чёнтока, Хуйамый (Иван Петрович), 53 лет, принадлежащий к кости Чогду; по профессии шаман». (Здесь и далее собственные примечания Н.Ф. Катанова взяты нами в кавычки. – А.П.)

Текст 3 сообщил Н.Ф. Катанову «карагас Костаяк, сын Хокка (Николай Иванович) Кодуган, 80 лет, принадлежащий к кости Каш; по профессии купец».

Тексты 4-5 сообщила фольклористу «карагасская девица Сыргажык, дочь Чачча (Александра Александровна), воспитанница Николая Кодугана».

Тексты 6-8 сообщила собирателю «карагасская девица Евдокия, воспитанница Костаяка Кодугана».

Тексты 9-10 сообщила Н.Ф. Катанову «карагаска Анна, дочь Таргыдана (Степана), Чургук, 20 лет».

Тексты 11-24 сообщила «карагаска Чашпан, дочь Чудаяка (Анастасия Евграфовна по фамилии Саган, 30 лет. Ее муж – старший брат шуленги Киштейя».

О записи текстов 25-31 см. примечание к тексту 6.

Тексты 32-34 сообщила собирателю «карагаска Эленге (Александра Степановна) Кодуган, 35 лет, племянница старика Костаяка и жена шуленги Киштайя».

Тексты 35-43 – о записи см. примечание к тексту 6.

Текст 44 – сообщил «карагас Киштай Полкэй (Спиридон Иванович), 38 лет, принадлежащий к кости Сарыг Каш, выбранный шуленгой (должность в тофаларском самоуправлении. – А.П.) на три года».

Эта песня из сказки о плечной лопатке, где герою выпадает череда приключений, в том числе и любовных. – А.П.

Тексты 45-50 сообщил «карагас Согат-пай, сын Шарыпа (Даниил Савельевич), Пыттыг-пай, 33 лет, принадлежавший кости Каш».

Тексты 51-52 сообщил «карагас Сангналыг, сын Чётымая (Иннокентий Степанович) по фамилии Уктур-пай, 25 лет, принадлежит кости Каш».

Текст 53 сообщил Н.Ф. Катанову «карагас Сёмён, сын Тэттая (Семен Николаевич), Пыттыг-пай, 37 лет, принадлежащий к кости Каш».

Тексты 54-55

Эти два текста – вольные переводы песен из сказок и преданий в записи Н.Ф. Катанова. (См. соответственные тексты в разделе «Народная проза»).

ИЗ СОБРАНИЯ В.И. РАССАДИНА

Переводы записей песен «Из собрания В.И. Рассадина» выполнены по научным подстрочным переводам собирателя, опубликованным в книге доктора филологических наук, члена-корреспондента РАЕН Валентина Ивановича Рассадина «Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор». Иркутск, 1996.

Подстрочные переводы этих песен, задолго до выхода его книги, были переданы фольклористом нам для поэтического перевода. Рукопись в архиве А.В. Преловского.

В новой редакции, осуществлённой специально для этого издания, переводы песен из собрания В.И. Рассадина публикуются впервые. – А.П.

Далее сведения о записях:

Текст 1 – запись В.И. Рассадина 1976 года от Н.С. Баканаева в селе Алыгджер.

Текст 2 – запись А.К. Стоянова 1975 года от В.А. Бухтурбаевой в селе Алыгджер.

Текст 3 – запись А.К. Стоянова 1975 года от В.А. Бухтурбаевой в селе Алыгджер.

Текст 4 – запись на магнитную ленту В.Н. Старжевой 1991 года от Н.И. Болхоевой в селе Верхняя Гутара. Расшифровка и подстрочный перевод В.И. Рассадина.

Тексты 5-7 – записи В.И. Рассадина 1968-1976 годов от Н.С. Баканаева в селе Алыгджер.

Тексты 8-9 – записи А.К. Стоянова 1975 года от В.А. Бухтурбаевой в селе Алыгджер.

Текст 10 – запись А.К. Стоянова 1975 года от Е.М. Амастаевой в селе Алыгджер.

Текст 11 – запись В.И. Рассадина 1972 от Н.С. Баканаева в селе Алыгджер.

Текст 12 – записал Н.Ф. Катанов в 1890 году, перезаписал В.И. Рассадин в 1974 от Н.С. Баканаева в селе Алыгджер.

Текст 13 – записан В.И. Рассадиным в 1979 году от В.В. Адамовой в селе Алыгджер.

Текст 14 – записан Н.Ф. Катановым в 1890, перезаписан В.И. Рассадиным в 1974 году от Н.С. Баканаева. в селе Алыгджер.

Текст 15 – записан В.Н. Старжевой в 1991 году от Е.А. Токуевой в селе Алыгджер; расшифровка с магнитной ленты и подстрочный перевод В.И. Рассадина.

Текст 16 – записан В.Е. Старжевой в 1991 от Н.И. Болхоевой в селе Верхняя Гутара; расшифровка с магнитной ленты и подстрочный перевод В.И. Рассадина.

Текст 17 – записан В. Н. Старжевой в 1991 от М.Н. Шибкеевой в селе Алыгджер; расшифровка с магнитной ленты и подстрочный перевод В.И. Рассадина.

ПЕСНОПЕНИЕ ПЕРЕД КАМЛЕНИЕМ

Текст «Песнопения перед камланием» записан в Восточных Саянах Н.Ф. Катановым в 1889 году, как свидетельствует сам собиратель, «от карагаса Питтык-пая, 37 лет, кости Каш».

Это единственное шаманское песнопение, зафиксированное Н.Ф. Катановым во время поездки к карагасам и, кажется, вообще единственный стихотворный текст тофаларского шаманского обрядового песнопения в записи XIX века.

Перевод выполнен по двуязычному изданию Н.Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племён, наречия», том IX (в двух книгах). СПб, 1907. Комментарии самого Н.Ф. Катанова даны нами в кавычках, взяты они из 1-го тома (на тюркских языках).

Наш перевод текста тофаларского камлания печатается здесь по I тому двухтомника «Отец-небо». Поэзия сибирских верований VI–XXI вв. в переводах А.В. Преловского. Издательство «Новый Ключ». Москва, 2005.

ТОФАЛАРСКИЕ ТЕКСТЫ XX В. ИЗ СОБРАНИЯ В.И. РАССАДИНА

Все тексты шаманских камланий записаны доктором филологических наук, профессором, членом-корреспондентом РАЕН Валентином Ивановичем Рассадиным в 1969-1972 годах в Алыгджере и в Иркутске от тофаларского сказителя Н.С. Баканаева.

Переводы выполнены по рукописи, предоставленной А.В. Преловскому самим фольклористом с его подстрочными переводами. Все эти тексты (в записи на тофаларском языке и в русском подстрочном переводе собирателя) вошли в фольклорную книгу В.И. Рассадина «Легенды, сказки и песни седого Саяна». Иркутск, 1996.

Наши переводы публикуются здесь по 2-му тому двухтомника «Отец-небо», поэзия сибирских верований VI–XXI вв.» в переводах А.В. Преловского. Издательство «Новый Ключ». Москва, 2007.

ЗАГАДКИ

ИЗ СОБРАНИЯ Н.Ф. КАТАНОВА:

Тексты 1-7 «сообщил, как пишет Н.Ф. Катанов, карагас Костаяк (Николай) Ходуган».

Тексты 8-9 «сообщил Михаил Конгояков».

Все загадки (здесь в переводах самого фольклориста) перепечатаются нами без изменений из IX тома собрания академика В.В. Радлова «Образцы народной словесности тюркских племён». СПб, 1907.

ИЗ СОБРАНИЯ В.И РАССАДИНА:

Комм--- Тексты загадок, записанных В.И. Рассадиным в 1970-1980 гг. в Тофаларии от разных информантов, перепечатаются нами без изменений из его книги: «Легенды, сказки и песни Седого Саяна». Иркутск, 1996.

НАРОДНАЯ ПРОЗА

ТОФАЛАРСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ В ЗАПИСЯХ СВЯЩЕННИКА П.П. ПРЕЛОВСКОГО

Литературная обработка преданий, записанных священником-миссионером Петром Павловичем Преловским (1834?-1894) в его приходе под Нижнеудинском, выполнена его правнуком Анатолием Преловским.

Эти фольклорные тексты, приведены без указания имени сказителя и места записи в этнографическом очерке П.П. Преловского «Нижнеудинские карагасы», опубликованном в сборнике «Записки и труды Иркутского губернского статистического комитета», вып. 4, Иркутск, 1868-1869. – А.П.

СКАЗКИ

Сказки в записях Н.Ф. Катанова даются нами без последующей литературной или редакторской правки по его подстрочным научным переводам, которые, нам кажется, не потеряли и через сто лет своего значения, как образцы записи, стиля и первородности русского языка XIX века.

Тексты в современной русской орфографии публикуются нами по книге «Образцы народной литературы тюркских племён». Часть IX. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. СПб, 1907.

Подлинные комментарии Н.Ф. Катанова заключены в кавычки.

Текст 1 «сообщил карагас Кастаяк Хокке (Николай Иванович) Ходуган, 80 лет, принадлежащий к кости Каш; про профессии купец».

Тексты 2-14 «сообщил карагас Николай, сын Покуйена (Николай Игнатьевич), Шарышпан (ов), 78 лет, принадлежащий к кости Чогду».

Текст 15 «сообщил карагас Киштей (Спиридон Иванович) Полкой, 38 лет, принадлежащий к кости Сарыг Каш. 6 декабря 1889 года он был выбран шуленгою на 3 года».

Тексты 16-18 «сообщил карагас Согатбай, сын Шарыпа (Даниил Савельевич) Пыттыгбай, 33 лет, принадлежащий к кости Каш».

Тексты 19-21 «сообщил карагас Тодаштай, сын Чартымайя (Спиридон Николаевич) Мойнагаш-Куса (фамилия Кусаев), 54 лет, принадлежащий к кости Чептей, женатый на урянхайке-шаманщице».

Текст 22-28 «сообщил карагас Кыткылык, сын Когатая, Конгояк (Михаил Матвеевич Конгояков), 35 лет, принадлежащий к кости Чогду».

ТРИ МАРАЛУХИ.

Записал В.И. Рассадина в 1974 году от Н.С. Баканаева в селе Алыгджер. Перевод В.И. Рассадина.

Перепечатывается нами без изменений из книги ученого «Легенды, сказки и песни Седого Саяна». Тофаларский фольклор. Иркутск, 1996.

ЧЕРТОВ КУСТАРНИК

Записал А.Н Киштейев в 1977 году от своей матери М.Н Баканаевой в селе Алыгджер. Уточнил запись и перевёл В.И. Рассадина.

Перепечатывается без изменений из книги В.И. Рассадина «Легенды, сказки и песни Седого Саяна». Тофаларский фольклор. Иркутск, 1996.

СЕМЬ КРОВЕЙ

Записал В.И. Рассадина в 1974 году от Н.С. Баканаева в селе Алыгджер. Перевод В.И. Рассадина.

Перепечатывается без изменений из книги В.И. Рассадина «Легенды, сказки и песни Седого Саяна». Тофаларский фольклор. Иркутск, 1996.

ЛЕГЕНДА О БУРХАНЕ

Текст легенды перепечатывается нами из книги иркутского этнографа и фольклориста Радная Андреевича Шерхунаева «Сказки и сказочки Тофаларии». Тувинское книжное издательство, Кызыл. 1975.

Собиранье так комментирует этот текст: «Запись Л.П. Матющенко со слов Ивана Сергеевича Баканаева (1900-1971). Дается в моей редакции. Р.Ш.»

На наш взгляд, в этой записи интересно соединение мифа о сотворении земли и людей с мифами о борьбе богов, а также и легендар-

ными версиями происхождения людей и разных народов. Видимо, это результат народной контаминации (объединения) сюжетов, что часто случается в позднем фольклоре.

Нами текст легенды оставлен без изменений, но следует отметить, к сожалению, что здесь почему-то автор записи, а за ним и редактор книги позволяют себе склонять несклоняемое слово «Аза» и также называют злого духа сибирских верований по-русски «дьяволом», чем невольно привносят в свой текст элементы русификации. – А.П.

ТРИ ВЕЛИКАНА

Текст перепечатывается нами из книги «Тофаларские народные сказки». Записал и обработал Валентин Рассадин. Пересказал для детей Владислав Бахревский. Издательство «Детская литература». Москва, 1988.

ПАРЕНЬ С КОРОВЬИМ НОСОМ

Эту сказку записал еще в 1890 году Н.Ф. Катанов (его запись см. разделе записей народной прозы – А.П.). А переписал почти через сто лет позже В.И. Рассадин в 1972 году от Н.С. Баканаева в селе Алыгджер. Уточил запись и перевел он же.

Мы перепечатываем этот стойкий текст уже в литературной обработке (пересказе) В. Бахревского из книги «Тофаларские сказки». Издательство «Детская литература». Москва, 1988.

САЯН - МЕРГЕН

Авторское стихотворное переложение А.В. Преловским прозаических записей XIX века, сделанных Н.Ф. Катановым и опубликованных в IX томе радловского собрания «Образцы народной литературы тюркских племен. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов». СПб. 1907.

В сказание вставлены подлинные народные песни, собранные Н.Ф. Катановым, и опубликованные там же. Научный консультант – член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН) В.И. Рассадин.

Наш вариант сказания «Саян-Мерген» печатается здесь по книге: «Северный эпос», издание «Академии поэзии». Москва, 2003. Для настоящей публикации текст заново просмотрен и в отдельных местах уточнен.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

По правде говоря, художественное решение этой книги было найдено еще полвека назад, когда иркутский художник, мой старший друг Георгий Григорьевич Леви (1918-1973) возвратился из экспедиции в Саяны и вскоре создал серию черно-белых линогравюр на темы тофаларской жизни и фольклора. Позднее они составили большую часть его авторского альбома «Подлеморье», который, к сожалению уже посмертно, был издан в Иркутске, и весь тираж его разошёлся мгновенно. Мы нашли это уникальное, ставшее библиографической редкостью издание и здесь, в тексте, воспроизводим его листы с любезного разрешения сына художника, иркутского учёного К.Г. Леви.

На первой и последней страницах обложки даются репродукции акварелей известного графика и иллюстратора сибирского фольклора, моего младшего друга Николая Герасимовича Протасова (1936-2003) – это единственная для нас возможность напечатать иллюстрации в цвете.

Надо уточнить, что работы Н.Г. Протасова – это фронтиспис и полосная иллюстрация к тофаларскому сказанию «Саян-Мерген», которое входило в книгу моих переводов сибирского эпоса. Книга должна была выйти еще в 1993 году в одном московском солидном издательстве. Но в смуте перестройки, по решению свежего либерального руководства, папка акварельных листов редкостного оформления вместе с рукописью (издательство переходило на выпуск биографий российских царей, тут уж не до фольклора) была выброшена

САЯН-МЕРГЕН

Антология
тофаларского фольклора
XIX-XX вв.

Составление,
переводы и переложения,
вступительная статья и комментарии
Анатолия Преловского

Вёрстка
А.Б. Метелкин

Ответственный за выпуск
Н.В. Рахманова

Издатель
В.Н. Рахманов

ISBN 978-5-7082-0171-3

9 785708 201713 >

Издательская лицензия ЛР № 071855 от 30.04.99

Подписано в печать 27.10.2007

Формат 60x90/16. Объем 8,5 п.л.

Тираж 3000 экз. Заказ

Издательство «НОВЫЙ КЛЮЧ»

Тел. 329-22-69, 549-37-26

E-mail: new_key@list.ru